На пажитях небесных

Владимир Пирожников

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История киберпанка в русскоязычном пространстве стара и ведет отсчет не от тупых виртуалок Лукьяненко и даже не от спорных опытов Тюрина.

Почти в то же самое время, когда Гибсон выстрелил своим "Нейромантом", в журнале "Знание - сила" вышла небольшая повесть Владимира Пирожникова "На пажитях небесных". Текст менее изысканный стилистически и менее жесткий в описаниях нашего возможного будущего, но ничем не хуже по смысловой нагрузке и сюжетной интриге. Там есть все атрибуты, присущие американскому киберпанку 80-х - компьютеры, сети, искусственный интеллект, размышления о власти и системе.

Текст прошел незамеченным, его помнят разве что старожилы фэндома.

(c) Станислав Шульга

- Владимир Пирожников
  - ○
- notes
  - ○ 1

Владимир Пирожников
На пажитях небесных

Интеллект отличает возможное от невозможного, здравый смысл отличает целесообразное от бессмысленного. Даже возможное может быть бессмысленным.

Макс Борн

– Говорит и показывает радиотелецентр астероида Мидас! «Лучше видеть глазами, чем бродить душою». Этой строкой из Экклезиаста мы по традиции открываем очередной обзор событий на астероиде. Программу ведет Ян Клапер. Местное время двадцать два часа тридцать минут. Во всех жилых помещениях пансионата и базы температура двадцать девять и семь десятых градуса, уровень радиации превышает нормальный на ноль целых и две сотых рентгена, что не является опасным. На астероиде сейчас находится тысяча восемьсот шестьдесят пять человек. Мы призываем всех экономить электроэнергию и воду. «Лучше видеть глазами, чем бродить душою».

– Говорит и показывает радиотелецентр астероида Мидас. Вторые сутки продолжается всплеск солнечной активности, вследствие чего нарушена радиосвязь и транспортное сообщение внутри всего Пояса. Продолжается метеоритный дождь, радиант которого находится в созвездии Геркулеса. Главный астроном базы Мидас доктор Вадим Седов считает, что этому незарегистрированному метеорному потоку можно присвоить временное название «геркулиды». Доктор Седов предупреждает, что, несмотря на небольшую плотность потока, возможно временное усиление бомбардировки.

– Говорит и показывает радиотелецентр астероида Мидас. Продолжаем выпуск. Сегодня после совещания руководства возобновились восстановительные и профилактические работы на международной транспортной базе, где вчера произошло падение крупного метеорита. Наряду со многими неполадками, вызванными резким сотрясением грунта, была отмечена значительная утечка ксенона, который в виде временной прозрачной атмосферы окутал сейчас весь астероид. Ксенон –

тяжелый инертный газ – обладает способностью светиться, когда его пронизывают частицы высоких энергий, составляющие солнечный ветер. Этим объясняется то феерическое сияние и неповторимое зрелище звездного дождя, которым гости нашего астероида любуются второй день. Однако, помимо зрелищного эффекта, метеорно-корпускулярная атака имеет и другую, драматическую сторону. Ремонтная группа инженера Георга Шебеля, которая сутки назад оказалась отрезанной в нижних отсеках базы, все еще находится там, на глубине двадцати пяти метров под поверхностью астероида. Запас воздуха и воды дает этим людям возможность продержаться еще около двадцати часов. Напоминаем туристам пансионата, что по требованиям космической безопасности во всех помещениях, возводимых на астероидах, устанавливаются следящие телекамеры. Благодаря им вы можете непрерывно наблюдать за судьбой группы Шебеля по третьему телевизионному каналу. Что мы увидим? Ужасную агонию восемнадцати человек, среди которых одна женщина, или волнующую встречу спасенных и спасителей? Группа служащих базы вместе с десятью добровольцами из числа отдыхающих в нашем пансионате пробивается вниз. Их действия транслируются по четвертому каналу. «Лучше видеть глазами, чем бродить душою».

– Говорит и показывает радиотелецентр астероида Мидас. Два часа назад произошло событие, полное мистического смысла. Как мы сообщали, вчера были найдены мертвыми у себя в номерах Джульетта Ромбелли, двадцати четырех лет, и Бенедикт Сард, шестидесяти двух лет. Их тела после вскрытия были помещены в криокамеру для сохранения перед отправкой на Землю. Два часа назад по команде компьютера оба тела были выброшены за борт, в космическое пространство. На запрос дежурного оператора компьютер ответил, что поступил так согласно инструкции, предписывающей немедленно избавляться от веществ, подверженных разложению, когда температура среды превышает двадцать градусов Цельсия. Напоминаем, что вследствие неполадок, возникших из-за метеоритной бомбардировки, криогенные системы работают с большой перегрузкой и повышенная температура установилась не только в жилых, но и во вспомогательных помещениях. Перегрев также сказывается на работе исправной техники. Так, начальный импульс, приданный телам покойных, не превысил расчетной скорости убегания, и сейчас оба тела обращаются вокруг астероида по вытянутой орбите, постепенно сближаясь с его поверхностью. Примерно через сорок часов они должны упасть на реголитовый слой где-то между пансионатом и базой. Капеллан

Всемирного совета церквей преподобный Уолтер Грин пока не дал ответа, можно ли считать помещение тел в реголит погребением. Патер Грин выступил в холле отеля с проповедью, в основу которой были положены слова из главы тринадцатой Евангелия от Луки: «Ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут». Сейчас в западной части неба на фоне созвездия Водолея виден медленно плывущий к востоку Бенедикт Сард. Через несколько минут примерно в том же направлении над зубцами Крокодильего хребта взойдет тело Джульетты Ромбелли. «Лучше видеть глазами, чем бродить душою».

– Говорит и показывает радиотелецентр астероида Мидас. Сегодня в полдень истек срок ареста технического директора и совладельца пансионата доктора Шона Балуанга. Начальник полиции Мидаса сержант Крэг утверждает, что этот двухсуточный арест был произведен по указанию зонального комиссара ООН в качестве превентивной меры для пресечения деятельности так называемого «мыльного клуба». Несмотря на истечение срока превентивного ареста, комиссар, прибывший утром на Мидас, отказался освободить доктора Балуанга, ссылаясь на смерть Ромбелли и Сарда, в которой, по мнению комиссара, может быть повинен доктор Балуанг. Полиция Мидаса располагает актом медицинской экспертизы, где говорится, что смерть Джульетты Ромбелли вызвана сильной дозой снотворного, а Бенедикт Сард скончался в результате инсульта. Тем не менее, по распоряжению комиссара и в нарушение всех юридических норм интенсивные допросы доктора Балуанга продолжаются…

Диктор, вещавший с экрана, очень хотел представить меня тираном и узурпатором, этаким тупоумным космическим шерифом в форме комиссара ООН; кое-кто из сидящих в зале уже начал оглядываться в мою сторону, за спиной возник шепоток, как вдруг весь ресторан погрузился во тьму. Я понял: генераторы переключились на подачу энергии в защитное поле, установленное вокруг жилых корпусов. Значит, подумал я, моему «разоблачению» в глазах публики помешал крупный метеорит. И точно – через секунду взвыли сирены.

– Держитесь! – успел крикнуть я соседям по столику, и в тот же миг мы покатились по полу. Удар был настолько сильным, что вокруг не устоял никто. Разом обрушились треск, грохот, звон стекла, визг женщин… Казалось, Мидас раскалывается на куски и из крупного астероида превращается в кучу щебня. После первого удара последовало два-три более слабых – обломки падали в кальдеру нового кратера. Потом всех нас, отброшенных к стене, осветил экран, обнимавший половину зала. На нем где-то впереди, за близким горизонтом Мидаса, дрожал и переливался

перечеркнутый тенями широкий сноп зловещего багрового света.

Моя рука упиралась во что-то мокрое. Я поднес к лицу, лизнул. Спиртное в космосе. Это была явная улика против Балуанга, которого теперь снова можно арестовать на два дня.

– Господи, помогите! – девушка-мажоретка, упавшая с эстрады, вцепилась в мое плечо. Ее наряд, состоявший из сапожек и крохотного бикини, открывал взгляду голое тело, усеянное мелкими порезами от битого стекла. Это была одна из тех шикарных девушек-танцовщиц, которые, как я подозревал, стоили особенно дорого. Фотография ее уже давно лежала в досье на Балуанга.

– Держись, Ло, это метеорит, – сказал я ей тоном свойского парня, включая в кармане магнитофон.

В следующий момент она обнаружила на своем лице кровь и обильно разбавила ее слезами:

– Мы взрываемся? Да?.. Ты меня «бросишь»?

Она приняла меня за своего.

– Сейчас начнется посадка в спасательные ракеты, – деловито бросил я. – Где твои документы?

Немного помявшись, она всхлипнула:

– У Шона.

– Работаешь на него?

– Да.

– Как тебя зовут?

– Лола Рейн.

Это была вторая улика. За несколько минут я узнал почти все, чтобы поставить точку в долгой игре и закрыть наконец «мыльный клуб». Вот так порой несколько мгновений встряски дают больше, чем кропотливая полугодовая работа.

– Внимание! – ожили невидимые динамики. – Говорит административный центр туристского комплекса! Всем оставаться на местах! Сейчас будет подано аварийное освещение. Комиссара ООН просим пройти в зал видеосвязи.

Сунув Лоле свой платок, я, раздвигая опрокинутую мебель, выбрался в холл. Здесь тускло горели лампы, под ногами тоже хрустело. Все натуральное, подлинное – таков фирменный стиль Шона Балуанга. Но настоящие зеркала, хрустальные плафоны и китайский фарфор имеют свойство легко превращаться в мусор. Мне теперь даже хотелось, чтобы крупный метеорит ударил еще раз, и не на противоположной стороне астероида, а где-нибудь поблизости, рядом с пансионатом, владельца которого я допрашивал третий день.

Тогда я еще не знал, что метеориты и впрямь могут падать по заказу.

На экране видеофона меня поджидал начальник следственного отдела Сван Мейден. Вместе со своим столом и флагом ООН над головой он врубился в канал общей телевизионной сети.

– Что у вас там, на Мидасе?

– Вторые сутки метеоритный дождь, только что сильно тряхнуло.

– Так, – сказал Мейден, будто в этом было что-то особенное. – Как с «мыльным клубом»?

– Есть прямые улики.

– Хорошо. Передай дело помощнику и лети сюда.

– Почему? Что за тревога?

Мейден посмотрел куда-то вбок, пожевал губами и, взглянув на меня, тихо произнес:

– Этот метеоритный дождь – искусственный…

Учебники комполоции, посвященные Поясу Астероидов, до сих пор открываются выдержкой из монографии Рассела, изданной в 1930 году. «Орбиты малых планет, – писал Рассел, – так запутаны между собой, что если бы они были проволочными кольцами, то, подняв одно из них, мы подняли бы вместе с ним и все остальные, включая орбиты Марса и Юпитера».

Мысль Рассела, несомнено, справедлива, однако мы, заселив Пояс, все еще пытаемся вытащить из него что-то одно, нам полезное. Между тем в этом проклятом месте все настолько тесно сцеплено между собой, причины и следствия так легко вьют цепочки непредсказуемых событий, что чистых выигрышей почти не бывает, и мед удачи, как правило, густо смешан с дегтем поражения.

Когда-то, например, считалось, что орбиты внутри Пояса будут скоро в точности рассчитаны, смоделированы на компьютерах, и столкновения астероидов, порождающие опасные метеорные потоки, удастся предсказать на много лет вперед, как солнечные затмения. Сейчас Пояс до отказа набит компьютерной техникой, вычислительные комплексы имеются чуть ли не на каждом астероиде, более того, все они могут действовать синхронно, как одна машина в рамках Международной интегральной информационно-компьютерной сети – МИНИКС. И что же? Небесная механика, увы, оказалась здесь столь запутанной, словно мудрый дух божий поленился заглянуть сюда, и Пояс Астероидов так и остался во власти первозданного хаоса. Зато теперь любой мошенник, имеющий вычислитель серии МИНИКС, может, уплатив налог, подключиться к международной компьютерной сети и использовать ее мощь для моделирования

разных приятных штучек, вроде тех, которыми забавляются клиенты в заведении Балуанга.

То же и с добычей ископаемых. В свое время Пояс Астероидов казался этаким сладким пирогом, удобно нарезанным на части; нам очень хотелось добраться до начинки этого пирога. Теперь мы вывозим из Пояса чуть ли не все элементы таблицы Менделеева, но эта инженерная победа вовсе не окупает творящихся здесь нарушений закона и нравственности. Я ничего не преувеличиваю. Многое из того, что происходит в Поясе, на Луне или Марсе просто невозможно, ибо там достаточно запустить несколько спутников, чтобы контролировать всю поверхность. Здесь же, в этом архипелаге космических островов, ничего не стоит спрятать ракету с контрабандой, игорный дом или, если угодно, пиратскую эскадрилью. Комиссариат ООН, Интерпол, национальная полиция стран-участниц освоения знают об этом очень хорошо.

Словом, мы правильно делали, когда не торопились соваться сюда. На моем участке, например, лет десять назад не было ни одного рудника, в камнях копались одни ученые, и было тихо. А сейчас здесь столпотворение, смешение языков и народов. Спокойные времена кончились после того, как ООН начала сдавать астероиды в концессию частным фирмам. Идея, конечно, была благородная: борьба с безработицей, создание новых рабочих мест и все такое. Но в этом мире любое святое дело способно переродиться в козни дьявола. Параллельно с рабочими местами возникли, конечно, и места злачные. Клиенты их потащили сюда все свои радости земные: спиртное, наркотики, рулетку и даже девиц. Недавно, например, пошла мода на «мыльные клубы». Это уже чисто наше, местное изобретение, и на Земле о нем еще мало знают. Клубы работают по методике брачных контор: клиент заполняет особую карточку, где выражает свои желания, платит деньги, а потом компьютер подбирает ему что-нибудь подходящее. Поначалу таким способом составлялись компании для совместного проведения отпуска, затем предприимчивые люди научили компьютеры так подбирать людей, так соединять их встречные потребности, что в заданные сроки они почти наверняка выливаются во взаимоудовлетворяющие отношения. При этом, твердит реклама, сохраняется полная «естественность и непринужденность» отношений; но какая же тут к черту «непринужденность», если человека всячески сманивают и соблазняют скорее стать рабом собственных прихотей? Так, если кто-то желает наклюкаться не среди знакомых забулдыг, а непременно в компании с лауреатом Нобелевской премии, он платит деньги и может быть спокоен – в

гарантированный срок «мыльный клуб» обязательно включит его в банкет, где будет присутствовать знаменитость, или удовлетворит заказ каким-то другим, но тоже «естественным» способом. Человеку, покупающему постоянный абонемент, гарантируется удовлетворение любых желаний, не преступающих, как говорится в уставах клубов, «границ явлений, терпимых современным обществом». На деле это означает, что клуб отказывает клиенту лишь в выполнении требований, нарушающих юридические законы; что же касается законов нравственных, то сколько они существуют, столько и нарушаются, а мир остается прежним; этот факт, по логике основателей клубов, позволяет отнести к разряду «терпимых» явлений все что угодно – от алкоголизма до сексуальных коммун.

С тех пор, как Балуанг создал «мыльный клуб» в моем секторе Пояса, я непрерывно боролся с ним, свято веря, что совершаю необходимое дело по очистке космоса от дряни. И вдруг, когда я уже готов был прикрыть заведение на Мидасе, произошли события, заставившие меня усомниться в смысле этой борьбы. Я увидел, что зло, которое я пытаюсь искоренить, – это лишь кончик дьявольского хвоста, но вовсе не сам дьявол. На время мне даже показалось, что я похож на того древнего глупого царя, который велел своим воинам высечь море. Словом, я понял, что дело обстоит гораздо сложнее, чем оно обычно представлялось мне.

Нет, я не опустил руки. Сейчас, когда первая растерянность прошла, я могу сказать: это понимание, каким бы горьким оно ни было, не означает смирения. Я еще могу признать справедливость английской пословицы, которая утверждает, что «каждому приходится за свою жизнь съедать пригоршню грязи»; но я никогда не примирюсь с утверждением, будто черпать всюду грязь – это неистребимая склонность людей, которую они стремятся удовлетворить, где только могут. Уверенность и, если хотите, твердость мне при этом дает, как ни странно, та же самая история – та же самая цепь потрясений и катастроф, которая глубоко поколебала мои привычные, но, как оказалось, весьма плоские убеждения. Вот почему я хочу о ней рассказать.

Читатель, наверное, уже понял, что для меня эта история началась на Мидасе, где я занимался «мыльным клубом». Но вообще-то она началась несколько раньше и сразу довольно шумно – с вереницы крупных аварий, прокатившихся по астероидам. В те дни все наши от Земли до Юпитера, что называется, с ног сбились, стараясь понять, в чем тут дело. Начальник следственного отдела Сван Мейден срочно созвал совещание. На нем-то я и услышал впервые о Пахаре…

– Смотрите, ребята, – сказал Мейден, – это биостанция Нектар. Снято в день катастрофы.

Свет погас, и мы увидели с высоты патрульного спутника пейзаж Нектара: острые гребни хребтов, звездное небо, хаос трещин и скал, присыпанных черной пылью. Астероид медленно поворачивался справа налево, и вскоре стали видны строения биостанции – несколько жилых куполов и белые цилиндры-польдеры, уложенные в ряд по краю длинного плато. С высоты орбиты цепочка польдеров походила на патронную ленту от крупнокалиберного пулемета, оставленную на астероиде неким богом войны. Впрочем, отметил я про себя, подобные сравнения приходят на ум лишь тому, кто постоянно занимается изъятием оружия. Биостанция – объект сугубо мирный. Польдеры – это просто огромные трубообразные парники, где выращивается пшеница, рожь, овощи и прочая полезная травка. Спрашивается, кому могли помешать огурцы и укроп? Но, с другой стороны, не зря же Мейден срочно собрал совещание. И потом, что это значит – «искусственный метеоритный дождь»? Правда, он был на Мидасе, а Нектар… Неужели и до тихого Нектара, где нет ни рудников, ни транспортных баз, ни обсерваторий – ничего, кроме безобидного огорода, – докатилась волна веселой жизни, с которой мы боремся в Поясе?

– Те из вас, кто бывал на Нектаре, – заговорил Мейден, – знают, что там, кроме обычной работы, ведутся опыты по селекции новых, генетически ценных культур. В качестве фактора, вызывающего генные мутации, используются солнечный ветер и космические лучи. Их воздействие регулируется экранировкой в виде шторных задвижек, перемещением которых управляет компьютер станции. Авария произошла так: сначала сработала автоматика радиационной защиты, все отсеки были изолированы, и пять человек оказались запертыми в польдерах. В этот момент экранные задвижки начали открываться одна за другой, пропуская внутрь летальный поток радиации.

В темноте кто-то присвистнул. Стальные польдеры при смертельной дозе лучей были не надежнее обыкновенного пиджака.

– К счастью, обошлось без жертв, – сказал Мейден. – Людям удалось спастись только потому, что они успели надеть скафандры. Весь генный фонд биостанций погиб. Расследование показало, что сервомоторы, приводящие в действие задвижки, сработали самопроизвольно.

В зале зашевелились.

– Десятки сервомоторов? – удивленно переспросил чей-то молодой голос.

– Пятьдесят четыре мотора на девяти польдерах, – спокойно ответил Мейден. – Но мы собрали вас не для того, чтобы вы ломали над этим голову. Разгадка уже найдена. Дайте Пахаря. Передаю слово Ривере.

Главный эксперт Ривера вышел к экрану, на котором появился голографический портрет какого-то парня. Сразу было видно, что снимок сделан наспех, где-то на людях, скрытой камерой.

– Это Пахарь, – сказал Ривера. – Является служащим международного вычислительного центра на астероиде Герион. Сейчас у него отпуск, и он путешествует по астероидам. Взят под наблюдение как чрезвычайно искусный брейкер.

По залу пронесся вздох. Вот оно что! На нашем жаргоне брейкером называется человек, способный без каких-либо внешних проявлений воздействовать на технические системы с целью их разрушения. Мистики тут никакой нет, весь эффект объясняется сверхсильным напряжением биополя, которым обладает брейкер. Поле это можно зафиксировать и нейтрализовать. Но, по словам Риверы, с Пахарем ничего не вышло. Наши несколько раз устраивали ему проверку, тайно замеряли параметры. Оказалось, что никакого биополя у Пахаря нет! Вернее, есть, но как у всякого нормального человека: напряженность, конфигурация, спектр – самые заурядные.

– Вероятно, – заключил Ривера, – Пахарь обладает каким-то неизвестным нам полем и потому особенно опасен. Его визиты на астероиды всегда кончаются неприятностями: техника начинает бунтовать или вовсе выходит из строя.

Затем слово вновь взял Мейден. Он сообщил, что, кроме Нектара, Пахарь успел побывать еще на двух астероидах. Сначала он появился на астероиде Тетис. Я бывал на Тетисе и знал, что там рядом с биостанцией находится база космофлота, работающая в автоматическом режиме. Туда заходят для заправки беспилотные транспортные ракеты, совершающие каботажные рейсы внутри Пояса. Взлет, посадку, обслуживание ракет обеспечивает компьютер. Оказывается, пока Пахарь был на Тетисе, ракеты то и дело заходили на посадку с большим отклонением от базы, угрожая врезаться в биостанцию. Биологи начали было думать, что забарахлил компьютер базы Тетис, как вдруг все исправилось само собой. Позднее удалось выяснить: база заработала нормально, как только Пахарь покинул астероид.

– Ракетой по станции, – буркнул кто-то сзади. – Самоубийство…

Мейден услышал реплику.

– Мы думали об этом, – сказал он. – Вызывая катастрофу,

брейкер, конечно, подвергает опасности и себя. Но Пахарь каждый раз успевает исчезнуть, он всегда начеку. Тогда, на Нектаре, оказавшись в польдере, он первым надел скафандр и даже помог другим. На Тетисе у него, видимо, нервы не выдержали, и он покинул его слишком рано. Зато потом был случайно на Мирре, которая ему даром не прошла.

Мейден рассказал, что, когда Пахарь прибыл на Мирру, в хемореакторе биостанции началась неуправляемая реакция, дело закончилось взрывом. При этом кумулятивная струя газов ударила именно в тот отсек, где находился Пахарь. Его спасло лишь удачное расположение обломков, которые послужили ему защитой. Порожденный этим взрывом поток осколков и выпал потом на соседнем Мидасе в виде метеоритного дождя.

Теперь я понял, что имел в виду Мейден, говоря об искусственном происхождении потока мидасовских «геркулид»! В моей голове сразу же включился генератор сопоставления. Что, если взрыв на Мирре, думал я, лишь условие, которое создал Пахарь для реализации программы «мыльного клуба» на Мидасе? Но к чему тогда его вредительские действия на Нектаре и Тетисе, не имевшие таких широкомасштабных последствий? То, что произошло, например, на Нектаре, можно было вызвать усилиями брейкера, но это никому нельзя было продать. Во-первых, в силу локальности и мгновенности самого инцидента, а во-вторых, в виду отсутствия покупателя: поблизости от Нектара нет ни одного «мыльного клуба» – единственного приобретателя катастроф. Двенадцать огнедышащих ракет, которые в течение трех суток одна за другой угрожали рухнуть на биостанцию Тетис, были, конечно, более эффективным товаром, но и его в окрестностях Тетиса брейкер не мог бы никому сбыть. Словом, мне оставалось гадать: либо Пахарь подвержен приступам бессмысленного вандализма, либо его действия вообще не имеют никакого отношения к деятельности «мыльных клубов».

Тут вновь подал голос стажер, который интересовался сервомоторами. Этого новичка, видимо, многое у нас удивляло.

– Мне непонятно, – волнуясь, сказал он, – почему не рассматривается альтернативная версия. Почему мы не предполагаем, что этот человек, – он кивнул на снимок Пахаря, – вовсе не брейкер, а все три случая с ним – просто роковые совпадения? Насколько я понимаю, подобные катастрофы могли произойти и от других причин – мало ли их в Поясе? И компьютеры ошибаются.

Вопрос был наивный, но Мейден ответил на него со всей серьезностью:

– Вы рассуждаете логично, но упускаете некоторые детали. В

Поясе нет отдельных компьютеров. Пояс – зона повышенной опасности, поэтому все вычислительные комплексы, работающие на астероидах, объединены средствами космической связи в Международную интегральную информационно-компьютерную сеть – МИНИКС. Для выработки ответственных решений, ошибки в которых ведут к катастрофам, используется мощь всего МИНИКСа, а не одного какого-то компьютера. Значит, если мы исключим вмешательство брейкера, нам придется признать, что с некоторых пор МИНИКС допускает непоправимые ошибки. Но почему тогда мы все еще живы? И почему катастрофы происходят одна за другой только на Нектаре, Мирре и Тетисе, которые посещает некий путешественник?

Стажер сконфуженно сел.

– Другое дело, – продолжал Мейден, – что у нас действительно нет прямых улик, вообще каких-либо оснований для ареста Пахаря. Материальные следы его воздействия на технические системы отсутствуют, так что он всегда может изобразить себя жертвой, а не виновником катастрофы. Формально он сейчас – пострадавшее лицо, отдыхает в оазисе Офир на Марсе. Непонятна и цель его диверсий. Единственное, что можно сказать, – Пахарю почему-то не нравятся биостанции. Все его диверсии имели место там, где в космосе выращивается что-либо съестное, – так сказать, «на пажитях небесных». Поэтому, кстати, мы и дали ему кодовое имя «Пахарь», под которым он будет фигурировать в оперативных донесениях. Скоро Пахарь закончит курс лечения и может вернуться в Пояс. Видимо, нам придется немало повозиться с ним, но, я думаю, мы сумеем познать цели этого человека и выяснить природу его таланта.

В словах Мейдена звучала уверенность, но позже, когда я думал об этом деле, меня все больше одолевали сомнения. Брейкер – не такая уж частая фигура в нашей практике, и говоря по правде, никто из нас толком не знает, как с ним бороться. За двенадцать лет работы в Поясе мне пришлось лишь раз иметь дело с брейкером. То была пожилая женщина-домохозяйка, которую привезли в Пояс откуда-то из предместий Сан-Паулу. Компания, добывавшая на Бригелле цирконий, доконала этот астероид и была на грани банкротства, когда кому-то пришла в голову счастливая мысль с помощью брейкера устроить на руднике катастрофу, дабы получить солидную страховку. Мне пришлось слетать в Бразилию, чтобы раскрыть умышленное вредительство на Бригелле.

Теперь брейкер угрожал биостанциям, и я опять имел немалые основания для беспокойства. В моем секторе Пояса, на астероиде Амброзия, действовала биостанция, причем двигалась

она в стороне от оживленных трасс и, насколько я понимал, представляла собой довольно удобный объект для брейкерских упражнений. Мне, конечно, следовало быть на Амброзии и ожидать там визита Пахаря, но я не мог находиться одновременно в двух местах. Мидас тоже требовал моего присутствия. Поэтому, направляясь туда, я в сущности проводил политику испуганного страуса и старался просто не думать о Пахаре. Вернувшись на Мидас, я целиком ушел в дела по ликвидации «мыльного клуба», и мысли о возможном появлении брейкера постепенно отодвинулись на второй план. Однако Пахарь очень скоро напомнил о себе. Он дал мне лишь несколько дней спокойной работы, а потом вылетел с Марса и, конечно же, не куда-нибудь, а прямиком в мой сектор, на Амброзию. Мне спешно дали об этом знать, и с этого момента Пояс словно бы скорее завертелся вокруг Солнца, а я метался внутри него как белка в колесе.

Я немедленно покинул Мидас, надеясь упредить появление Пахаря на Амброзии, но Мейден, с которым я непрерывно поддерживал связь, сообщил, что брейкер, очевидно, будет там раньше меня. Я чувствовал себя человеком, у которого вот-вот должны ограбить дом, однако ничего не мог поделать. Расположение небесных тел, увы, имеет значение не только в астрологии, но и в практической навигации. Пахарь и я двигались в плоскости эклиптики, однако брейкер вместе с Амброзией находился в ее западной квадратуре, а я – в восточной. Благодаря этому Пахарь опередил меня на несколько часов. Когда он ступил на Амброзию, я еще находился в пути и был готов к любым неожиданностям. И они произошли.

Трое наших, незаметно сопровождавших Пахаря с самого Марса, сообщили, что, едва появившись на Амброзии, брейкер вызвал по видеофону научного руководителя биостанции доктора Стефана Минского и передал ему привет от Регины. Минский при этом несколько растерялся, но быстро овладел собой и назначил Пахарю встречу в баре. Этот предварительный мимолетный контакт показал, что все мы, может быть, безмятежно спим на краю пропасти. Имя Регины, произнесенное Пахарем, прозвучало для меня как гром, я вдруг понял, какого рода цель мог преследовать Пахарь.

– Известно, кто такая Регина? – спросил я у Мейдена, чтобы проверить себя.

– Это подруга Пахаря на Герионе, – ответил тот с экрана. – Полное имя – Регина Савицкая, специальность – психолог. Мы сейчас выясняем, откуда ей известен Минский.

– Тут нечего выяснять, – сказал я. – Два года назад она

работала с Минским на Амброзии и… в общем, почти была его женой. Потом они разошлись. Но главное в другом – Пахарь мог узнать от Регины о научной работе Минского. О работе, которая засекречена.

Доктор Минский вел на Амброзии эксперименты по аутотрофному синтезу белков, то есть, проще говоря, пытался создать питательную биомассу из неорганических веществ. Эти исследования входили составной частью в какую-то международную научную программу. Я не знал ни участников программы, ни ее конкретной тематики, но смысл ее был мне известен: разработка способов производства искусственной пищи.

Услышав об этом, Мейден немедленно сделал запрос в компетентные организации, и через несколько минут мы узнали, что на ряде биостанций Пояса, на этих ангельских тихих «пажитях небесных», часть которых пострадала от Пахаря, уже несколько лет совершенно буднично и незаметно осуществляется грандиозный научный проект. В числе прочих работ на биостанциях Нектар, Мирра, Тетис, Кифара и Амброзия велись исследования по синтезу искусственных белковых продуктов, способных заменить обычную пищу. Эта международная научная программа, принятая по инициативе голодающих стран африканского Сахеля, носила почти библейское название «Скайфилд» – «небесное поле», а финансировала ее ФАО – организация ООН по продовольствию и сельскому хозяйству.

Так среди головоломных загадок и сложностей этого необычного дела неожиданно всплыл простой и ясный мотив – борьба за жизнь, за все тот же кусок хлеба. С проблем космических мы вдруг опустились до проблем чисто земных, до извечного стремления человека не умереть от голода, а пожить подольше. Характерный, если вдуматься, факт для нашего времени. Мы освоили ближний космос, добрались до орбиты Юпитера, кушаем пряники в Поясе Астероидов, а на Земле в это же самое время голодают и умирают от недоедания миллионы людей. Я не знаю, почему так происходит, я лишь могу предположить, что такое положение, видимо, сохранится до тех пор, пока голод будет иметь не только биологическое, но и геополитическое значение.

Разделяя эту точку зрения, Мейден высказал предположение, что некоторые транснациональные корпорации, производящие натуральные продукты питания, могли быть заинтересованы в провале программы «Скайфилд», и этим, возможно, обусловлено появление в Поясе такого уникального по силе брейкера, как Пахарь. Версия Мейдена была вполне реальна, но ей противоречил тот факт, что, по сообщениям наших людей на

Герионе, Пахарь не имел никаких связей с международным терроризмом. Он вел довольно уединенный образ жизни, встречался с ограниченным кругом людей и, будучи специалистом по человеко-машинному диалогу, все свое время посвящал разработке систем общения с компьютером. Когда на Герионе появилась Регина, быстро сблизился с ней, но связь эта была странной, очень неровной и мучительной для обоих.

По свидетельству очевидцев, Пахарь временами словно испытывал Регину, обращаясь с ней как последний негодяй. Вообще наши эксперты-характерологи в данном пункте описывали Пахаря весьма красноречиво. По их словам. Пахарь был способен, обожая женщину, дойти до самозабвения, мог, изощренно и верно служа ей, вознести ее до высот счастья, а потом вдруг, по странной прихоти раздраженного чувства, с каким-то злобным вдохновением тут же и унизить ее, может быть, только для того, чтобы опять начать все сначала, опять бросить все к ее ногам и в конце концов заставить-таки ее в очередной раз смириться, перешагнуть и через эту обиду, и через эту горечь, и через уязвленную гордость, словом, опять утратить всякое самолюбие. Впрочем, по тем же свидетельствам, Регина порой тоже беспощадно терзала самолюбие Пахаря, провоцируя его на разного рода крайности… В общем, они любили и потому мучили друг друга. Такое бывает между людьми. Но мне все равно было горько слышать про эти роковые страсти. Регина всегда вызывала во мне симпатию. Как эта красивая и гордая женщина могла снизойти до связи с брейкером, более того, выносить все те унижения, которым он ее подвергал?

Сейчас остается только жалеть, что этот вопрос так и остался для меня риторическим. Попытайся я на него ответить, изучить отношения между Пахарем и Региной, может быть, мне уже тогда удалось бы догадаться об истинных намерениях Пахаря. Ведь помнил же я тот знаменательный разговор с Региной, разговор, во время которого у меня впервые появилась мысль о том, что на «пажитях небесных» могут, пожалуй, и впрямь решаться судьбы человечества.

Это было незадолго до разрыва Регины с Минским. Я прибыл на Амброзию по анонимному вызову, специально для встречи с человеком, который обещал в письме «обратить мое внимание на исследования, грозящие поколебать стабильность цивилизации». В тот день молодой тридцатидвухлетний руководитель биостанции доктор Стефан Минский растолковал мне, что такое аутотрофный синтез, я осмотрел лаборатории, реакторы, побывал в польдерах, но так и не понял, откуда может грозить опасность. Наоборот, все, с чем я встречался на Амброзии, представлялось

мне высочайшим воплощением гуманизма. Шутка ли сказать, искусственная пища!

«Люди расселились уже до орбиты Юпитера, – говорил Минский, – но продолжают упорно, с неимоверным трудом создавать вокруг себя зеленую биосферу. И в космосе, и на Земле мы, борясь с голодом, пытаемся действовать все тем же архаичным способом: взрыхлить почву, посеять зерно и собрать урожай. Мы никак не можем освободиться от пашни, от навоза и потому похожи на мореплавателей эпохи Магеллана, которые, отправляясь в путь по воде, с собой брали тоже воду. Но подумайте: ведь достаточно разъединить молекулы воды и молекулы соли, чтобы морская вода стала пресной. Точно так же достаточно определенной рекомбинации молекул, чтобы превратить любое неорганическое вещество в белки, жиры и углеводы. Некоторые простейшие организмы, грибки – дрожжи кандиды, например, – способны превращать нефтепродукты в высокомолекулярные соединения. То есть, аутотрофный синтез в природе есть и процветает. Так почему бы нам не смоделировать его?»

В заключение Минский показал мне пробирку с мутным желтоватым киселем. Это была белковая плазма, синтезированная из углистых хондритов, которыми так богата Амброзия. «Когда-нибудь мы сможем перерабатывать астероиды, камни, космическую пыль в пищу, в этакую манну небесную», – сказал при этом Минский. Я воспринял его слова как шутку и ответил, что до сих пор превращать камни в хлебы удавалось только Иисусу Христу. «Люди становятся богами», – усмехнулся Минский.

Помню легкое чувство ошеломления, с которым я поздно вечером обдумывал у себя в гостинице идеи Минского. Я – человек, далекий от абстракций науки, вижу все практически, и тут как бы несколько сбился. Я старался настроиться на глубокомысленный лад, но вместо этого в голову лезла какая-то дилетантская чушь, какие-то космические облака манной крупы, планетарные туманности из капель сиропа и сатурновы кольца из сублимированных бифштексов. Мир как-то незаметно превращался в грандиозную объедаловку, где каждый мог нырнуть в изобилие, не сходя с места. Конечно, размышлял я, если нам по силам искусственно создавать белок и все остальное, то зачем мучиться, зачем налаживать этот неимоверно сложный и капризный механизм живой природы? Зачем пахать землю, зачем строить в космосе эти громадные польдеры, сеять в них зерно, растить пшеницу и печь хлеб, если можно легко получать тот же продукт, работая на молекулярном уровне? Знание о том, как из

всего сделать хлеб, – есть уже сам хлеб; остальное несущественно.

Разумеется, это были размышления и представления профана, и я неоднократно себе об этом напоминал. Но в тот далекий уже вечер я был захвачен идеями Минского, безгранично верил в них и в конце концов решил, что письмо, из-за которого я прилетел на Амброзию, просто глупая шутка.

Я уже собирался лечь спать, как вдруг дверь отворилась и ко мне в комнату быстро вошла тоненькая хорошенькая девушка в красном комбинезоне. Она остановилась у двери, сложив руки за спиной, и сумрачно посмотрела на меня темными глазами – так смотрят дети, когда хотят отчитать загулявших родителей. Это и была Регина Савицкая, двадцатидвухлетний психолог биостанции, отчаянно влюбленная в ее руководителя. Раньше Регина была известна как самая красивая девушка – «мисс Амброзия»; теперь же все говорили об ее отношениях с Минским. Регина давно добивалась его внимания, но Минский ее не замечал; девушка предпринимала героические усилия, чтобы пробудить к себе интерес, и наконец добилась своего – Минский в нее влюбился. Так что чувство Регины к Минскому вовсе не было безответным. Драма состояла не в отсутствии любви, а, так сказать, в ее качестве. Будучи на десять лет старше Регины, Минский полюбил ее как-то уж очень красиво, по-книжному – мило, изящно, легко, отчасти трогательно и не теряя достоинства. Думаю, за одно это Регине много раз хотелось надавать ему пощечин. Не знаю, в чем тут дело, но я убежден, что довольно многие женщины не могут быть счастливы в любви, если не дать им хорошенько помучиться. Такие особы всегда хотят того, чего нет; но когда это наконец появляется, им сразу становится скучно. Пожалуй, сей факт лишний раз доказывает, что человек сложнее, глубже, запутаннее любой самой заветной своей фантазии, самой выношенной мечты. Ибо заветные фантазии и мечты рождаются из неутоленных желаний и дум о них, то есть, так или иначе выдумываются; но ведь всей жизни обдумать нельзя, весь мир в мысль не втиснуть. Поэтому чем яснее, понятнее нам то, чего мы хотим, чем явственнее и определеннее образ того, что мы ищем, тем, как правило, дальше отстоит это от наших подлинных, глубинных интересов.

Регина получила именно то, что желала, и потому была несчастна. Она, несомненно, очень боялась теперь разлюбить Минского и потому бессознательно искала в нем что-нибудь неожиданное, хотела увидеть его каким-то иным, пусть даже пугающим, но ей неизвестным. Именно так истолковал я подспудную психологию нашего ночного разговора, во время которого Регина пыталась доказать, что Минский и есть

погубитель цивилизации, что он как раз тот добрый каменщик, который благими намерениями мостит дорогу в ад.

– Поймите же наконец, – говорила она, – настоящий, живой хлеб, выращенный здесь, на Амброзии, – это наша победа над космосом, причем победа не столько технологическая, сколько нравственная. Конечно, мы затрачиваем при этом массу труда, но ведь и в награду получаем не просто пищу. Наш труд создает здесь ценности, за существование которых мы можем себя уважать. Хлеб, выращенный в пустоте, дает нам почувствовать, что мы, вопреки этой пустоте, все еще люди!.. А Стеф хочет избавить людей от труда, он ищет формулу, по которой синтезаторы будут автоматически и в любых количествах гнать нам хлеб из чего угодно. И кое-что ему уже удается!.. Что ж, хорошо, пусть даже искусственный хлеб по составу будет питательнее земного. Но подумайте, сможет ли он стать для нас духовной ценностью? Многие ли из нас смогут уважать эту мерзкую клейкую жижу, океаны которой можно будет запросто получать нажатием кнопки? Запомните, комиссар: искусственная пища, которую пытается делать Стеф, – это, в сущности, та же чечевичная похлебка, за которую нам придется заплатить очень дорого – правом первородства! Космос перекроит нас, превратит в нравственных мутантов, в скопище сытых идиотов, счастливых своей сытостью!

Мне было не совсем понятно, чего, собственно, требует Регина. Запрещения опытов Минского? Но власть зонального комиссара ООН не простирается так далеко, чтобы отменить или хотя бы приостановить международную научную программу. Да и надо ли вообще поднимать шум? Теоретически «опасность изобилия» еще можно представить, но увязать ее практически с нашими сегодняшними заботами нет никакой возможности. В наши дни, когда еще не изжита опасность голода, проблемы, связанные с сытостью, представляются далеко не самыми актуальными. Об этом я и сказал Регине.

Она посмотрела на меня с мрачным сожалением – так, будто я легкомысленно положил за пазуху ядовитую змею.

– Вы не понимаете, – вздохнула она и в волнении прошлась по комнате. Затем повела разговор издалека. Для начала она сообщила мне классический, по ее словам, пример из прикладной психологии. В середине прошлого века одна крупная американская пищевая компания с гордостью выпустила в свет порошок кексовой смеси, экономящий труд хозяйки и требующий только добавления воды. Компания была удивлена, когда женщины отдали предпочтение не этому продукту, а менее совершенным смесям, которые требовали дополнительных затрат

труда – добавления, кроме воды, еще и яйца. Психологи, приглашенные для консультации, пояснили: включая в состав смеси яйцо в виде порошка, компания слишком облегчила задачу домохозяйкам, лишив их ощущения творческого участия в процессе выпечки кекса. Порошкообразное яйцо было срочно извлечено из смеси, и женщины с радостью вернулись к процедуре добавления яйца собственными руками.

Радость труда, чувство творческого участия – вот что необходимо человеку, говорила Регина. Когда же этого нет, конечный результат не приносит удовлетворения. Так, автоматизация существенно упрощает управление техникой. Но психологи всегда советовали даже при полной автоматизации сохранять на контрольной панели все эти ручки, кнопки, клавиши, рычаги, дабы человек, сидящий перед пультом, не лишался чувства власти над сложным техническим устройством и верил в необходимость управлять им. Пожалуй, говорила Регина, я не раскрою перед вами большого секрета, если скажу, что на многих ракетах, совершающих заурядные рейсы между Землей и Марсом и внутри Пояса, роскошные, полные шкал, циферблатов и разноцветных лампочек пульты управления – всего лишь бутафория, поскольку полет почти полностью идет в автоматическом режиме. При этом правильные команды, подаваемые с пульта, лишь сопутствуют решениям компьютера, а неправильные просто не выполняются. Человек на таких кораблях нужен лишь как юридическое лицо, отвечающее за груз. Но мы не можем допустить, чтобы он превращался в куклу, в часть груза. И мы даем ему иллюзию управления, своего рода игру, в которой он участвует всерьез.

В идеале технология упрощения задач всегда должна быть сопряжена с такой же мощной технологией замещения. К сожалению, упрощать задачи мы научились гораздо лучше, чем создавать имитационные модели, годные для замещения. Подумайте, что произойдет, если завтра Стеф создаст технологию превращения камней в хлеб. Это, конечно, прекрасно, мы уничтожим голод. Но вместе с тем уничтожим и весь тот комплекс духовных ценностей, который исторически сложился вокруг понятия «хлеб», ибо сам хлеб будет даваться без труда. Смешно надеяться, что кто-то еще станет возиться с плугом, пашней и колосом. Труд в данном случае потеряет смысл, сделается ненужным. Так вот, сможем ли мы для замещения этого создать какую-либо достаточно эффективную имитационную модель, как бы «тренирующую» человека, дабы он не сделался праздным потребителем, остался тружеником и реально переживал все те чувства, которые испытывал когда-то при

добывании «хлеба насущного»? Боюсь, что этого сделать сразу мы не сумеем. Но тогда нарушится гармония и начнется то, что социологи называют «дрейфом ценностей».

Вот чем грозит нам работа Стефа. Но это, говорила Регина, только один пример. Давайте смотреть шире. Ныне мы с технологией упрощения все чаще вторгаемся в такие тонкие материи, которые издавна считались священными. Мы разрушаем то, что еще не в силах смоделировать. В наших ли силах, например, создать имитационную модель материнства, дающую женщине весь комплекс необходимых психофизиологических переживаний? Нет. Но великую тайну материнства мы разрушаем. В космосе, как вы знаете, по ряду причин зачатие и вынашивание ребенка невозможно. Но вряд ли вы знаете, что сейчас во многих медико-биологических центрах Земли интенсивно ведутся эксперименты по разработке новой «методики рождения». Эта «методика» исключает беременность и роды. Ребенок будет появляться на свет готовеньким, как Афина из головы Зевса. Представляете? Семя мужчины и яйцеклетка женщины соединяются на Земле в лабораторных условиях, развитие плода происходит там же, и через девять месяцев родители получают своего младенца, так сказать, «по почте». Конечно, при этом мы решаем массу проблем, избегаем многих неприятностей типа родовой боли, но сможет ли женщина, получив ребенка таким путем, испытать всю полноту счастья? Почему никто не думает над технологией замещения? Почему не разрабатывается модель, позволяющая женщине испытать хотя бы иллюзию того, с чем ей приходится расставаться?

Мы давно начали упрощать и способы вступления в брак. В обществе всегда существовали определенные трудности, связанные с поисками брачного партнера. Возможность неудачи придавала особую ценность переживаниям, особую ответственность поступкам, определяющим сближение. Сейчас, когда компьютеры подбирают партнеров почти со стопроцентной гарантией успеха, человек заведомо застрахован от одиночества. Это, конечно, прекрасно, только мы должны отдавать себе отчет в том, что из нашей жизни полностью исчезло представление о партнере как о том, кто дан судьбой, как о «суженом». Какая уж тут «судьба», когда каждый знает: партнер, на котором сегодня остановлен выбор, вовсе не является единственным, стоит обратиться к машине – и он может быть заменен другим, ничуть не худшим.

Регина говорила еще долго, приводя все новые примеры. Вместе с проблемами, которые исчезают, люди теряют что-то в себе. Они утрачивают драгоценные крупицы духовного опыта,

которые были завоеваны ими когда-то в борьбе с невзгодами и труде. В конце Регина помолчала и добавила: «Иногда я очень хочу, чтобы Стеф куда-нибудь провалился со всеми своими опытами!»

Мне запомнились эти слова, убежденно и страстно сказанные в глубинном отсеке станции, где под слоем камня, бетона и стали жгучим беспокойным угольком светился красный комбинезон. Не помню точно, что я возразил Регине; кажется, я просто не поверил ей. Для меня тогда гораздо более очевидным было то, что Регина стремится превратить Минского в злого гения, ибо таким он явно возбуждал в ней сильные чувства. Этот дилетантский психоанализ вполне удовлетворил меня, и только потом, много позже, я вычитал у Чарлза Сноу, что чаши добра и зла действительно находятся в руках ученых, но некоторые из них считают, будто «эта тяжелейшая ноша незаслуженно взвалена на их плечи. Они хотят только одного – делать свое дело». Может быть, к такого рода ученым принадлежал и Минский; но к тому времени они с Региной уже расстались, практически вопрос был снят, а над проблемами философскими комиссару ООН, работающему в одном из секторов Пояса, задумываться просто некогда.

Теперь, однако, отвлеченные идеи показывали свою силу; они порождали реальность, причем самую грубую, с уголовным оттенком. Камни, превращенные в хлебы, думал я, безопасны лишь в книгах; будучи материализованы, они становятся взрывчаткой, поводом для столкновений и катастроф. Обыкновенные земные люди берутся за дело, которое всегда требовало божьей мудрости. При этом они, конечно, не могут обойтись без споров, взаимных проклятий и ожесточенной борьбы. Неужели, думал я, эти два года ничего не изменили, и Регина только для того сблизилась с брейкером, чтобы добиться победы над Минским? Эта мысль не отпускала меня до самой Амброзии, но я, однако, ничего не сказал Мейдену. Да и что я мог сказать? Что катастрофы на биостанциях вызваны желанием одной женщины вернуться к прежнему возлюбленному? Или что дела, которые вытворяет рыскающий в Поясе брейкер, – это просто «аргументы» в одном философском споре?

Хуже всего, что я в конце концов сам запутался. Когда я вспоминал слова Минского, мне казалось, что все стоит на своих местах, наука борется за гуманизм и человечество движется ко всеобщему благополучию. Но стоило мне встать на точку зрения Регины, как открывались такие катастрофические бездны, в которых могли сгинуть не только несколько биостанций, но, может быть, и вся цивилизация. Приближаясь к Амброзии, я не

знал, выступаю ли я при этом спасителем человечества или тем, кто толкает его в пропасть. Так или иначе, я не ждал от Амброзии ничего хорошего. Мне теперь даже трудно было поверить, что благодаря успеху программы «Скайфилд» этот астероид мог стать для человечества вратами в рай. Даже внешне Амброзия мало подходила для столь радостного места. Все углистые астероиды необыкновенно темны, это самые мрачные объекты в Солнечной системе. Двухсоткилометровая косматая глыба Амброзии, растущая на экране, как медленный черный взрыв, скорее походила на вход в преисподнюю, чем в райские кущи.

Один из бытовых отсеков биостанции пышно именовался «Отель Амброзия». Пахарь зарегистрировался там под чужим именем и вселился в номер, который заранее был подобран так, чтобы, выходя из него в любую сторону, брейкер обязательно проходил мимо комнаты, занимаемой нашим человеком. В номере Пахарь пробыл недолго. Как было установлено, он проглотил две таблетки успокаивающего средства и запил их стаканом минеральной воды. Затем спустился в холл и спросил у портье, какой марки компьютер используется на биостанции и постоянно ли он действует в синхронном режиме с МИНИКСом. Ему ответили, что все работы на астероиде программирует и проводит компьютер «Логос-дейта», который входит в МИНИКС на правах подсистемы и непрерывно общается с ним. После этого Пахарь отправился на встречу с Минским. Разговор между ними состоялся в баре на верхнем этаже отеля. Наши люди находились двумя этажами ниже и с помощью телекамер, установленных в зале, наблюдали за происходящим. Как только встреча закончилась, на связь со мной вышел руководитель группы наблюдения Эдмунд Дин.

– По распоряжению Мейдена мы переходим в ваше подчинение, комиссар. Когда вы будете на Амброзии?

Я ответил, что посадка состоится через полтора часа, но у нас нет времени ждать и следует обсудить беседу Минского с Пахарем прямо сейчас.

– Выберите из видеозаписи самое важное и покажите мне. Остальное можете передать словами, – сказал я Дину.

– Хорошо, – кивнул он. – Даю начало.

Экран мигнул, появилась картинка, и я увидел Пахаря сидящим за столиком в баре. Через минуту к нему приблизился Минский, поздоровался, сел. При этом сработал трансфокатор, лицо брейкера придвинулось вплотную, и я впервые смог отчетливо рассмотреть его. Пахарь выглядел сейчас совсем не так, как на голограмме, которую я видел на совещании. Передо мной было лицо одержимого, может быть, даже безумца. Все, что

обычно любят описывать авторы дешевых детективов: запавшие глаза, потный лоб, горящий беспокойный взгляд, фанатично сжатые губы. В облике Пахаря ощущалось огромное внутреннее напряжение, временами переходящее в явственную лихорадку. Словом, это был человек, живущий, что называется, на пределе. Я немало видел подобных типов; такие люди слишком развиты, чтобы невозмутимо сознавать себя вне закона, и потому живут с ощущением насекомого, которого вот-вот прихлопнут. В конце концов это их так изматывает, что они даже с облегчением протягивают руки, когда им надевают наручники.

– Вас послала ко мне Регина? – спросил у Пахаря Минский. Было заметно, что он волнуется.

– Нет, – усмехнулся Пахарь. – Я сам пожелал вас видеть. Регина лишь рассказала мне о вашей работе.

Лицо Минского поскучнело.

– Вы, очевидно, биолог? – спросил он без особого любопытства.

– Нет, я кибернетик.

Минский удивленно взглянул на Пахаря:

– Тогда не понимаю… чем, собственно, обязан…

– Я задам вам несколько вопросов. Прошу вас ответить на них предельно искренне. Это очень важно.

Минский пожал плечами:

– Если смогу – пожалуйста.

– Почему вы расстались с Региной?

Вопрос был явно неожиданным и грубым. Минский даже покраснел.

– Зачем это вам?.. Кто вы?

Пахарь медленно посмотрел на Минского.

– Повторяю, – сказал он, – вопрос очень важен. От него зависит жизнь человека.

Кажется, Минский начал пугаться брейкера. Он отвел глаза в сторону и криво усмехнулся:

– Не знаю, что вас интересует… Регина разлюбила меня. Мы пытались сохранить наши отношения, искали пути друг к другу… Но потом ее словно понесла какая-то нечистая сила…

– Регина обращалась к компьютеру, чтобы переменить партнера?

Все – и смысл, и выбор слов, и интонация, с которой был задан вопрос, – все вызывало в Минском отвращение. Его, кажется, даже передернуло, но он, видимо, еще не набрался мужества, чтобы встать и уйти. Может быть, он боялся за Регину.

– К чему вам эта чепуха? – скривился он. – Какой-то бред… Ну да, однажды, когда между нами еще все было хорошо, Регина в

шутку заполнила карточку брачной конторы или какого-то там клуба знакомств… не помню точно. Машина выдала ответ – его прислали по почте. Оказалось, что где-то существует мужчина, идеально соответствующий ее вкусам. Мы посмеялись, вот и все. Повторяю: это была шутка.

На этом месте Дин прервал запись и сказал, что дальше долго не было ничего интересного. Минский, раздраженный и обеспокоенный бесцеремонными расспросами Пахаря, не мог и не хотел уйти, не выяснив смысла встречи. Пахарь же, словно испытывая терпение Минского, начал расспрашивать его о работе, но делал это без любопытства, как бы по обязанности. Казалось, ему уже давно известно все не только о направленности интересов биолога, но и о секретной программе «Скайфилд». Возможно, так оно и было. Минский нехотя, в самых общих чертах рассказал о своих опытах. Из его объяснений Дин узнал, что человек – существо гетеротрофное, способное синтезировать составляющие его элементы только из органических веществ. Но в космосе органики нет, поэтому Минский видит свою задачу в придании человеку аутотрофных свойств, то есть способности жить за счет неорганической природы. Он сообщил, что опыты идут успешно, и затем, видимо, сознательно углубился в такие экзобиологические дебри, что Дин больше ничего не понял. По его мнению, то же и Пахарь. Он прервал Минского и неожиданно сказал такое, отчего все наши встрепенулись:

– Вы должны прекратить свои работы.

Здесь Дин вновь включил запись, и я увидел, как при этом Минский осекся на полуслове. Он даже отшатнулся:

– То есть как?.. Зачем?.. По какому праву вы этого требуете?

– Не пугайтесь, прекратить не навсегда. На время.

Минский пристально посмотрел на Пахаря.

– Вы сумасшедший… – сказал он.

– Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, – устало ответил Пахарь, – и прошу вас отсрочить свои опыты ввиду чрезвычайных обстоятельств.

– Каких?

Пахарь вздохнул.

– Они еще не ясны и… пока не время говорить об этом. Вы все узнаете, когда мы снова встретимся. Если этого не произойдет, вас введет в ситуацию Регина. Сейчас мне нужно, чтобы вы дали обещание прервать исследования до тех пор, пока вас не найду я… или она. Это будет довольно скоро, несколько дней… и все.

– А потом я смогу продолжить свое дело?

– Да. Но, может быть, вы этого сами не захотите.

– Благодарю вас, – с сарказмом бросил Минский. – Вы хоть сознаете, что это шантаж?

Пахарь с ненавистью глянул на Минского.

– Не надо размахивать уголовным кодексом. Есть вещи поважнее. На карту поставлена человеческая жизнь… или даже больше.

Некоторое время Минский сосредоточенно молчал. Страх, гнев, сознание собственного бессилия противоречиво сменяли друг друга на его лице. По-моему, он никак не мог решить, кто перед ним: сумасшедший, преступник или фанатичный мессия какой-то новой истины?

– Я готов поверить в важность дела, – сказал он наконец. – Но все-таки… Это очень странно. Вы требуете так много, ничего, в сущности, не объясняя…

– Ладно, – кивнул Пахарь, – кое-что я скажу. Вы думали когда-нибудь о философской стороне своей работы? О том, что вы, так сказать, дарите человечеству? Неужели вас не охватывало беспокойство?

– Вас интересует моя философская концепция? – усмехнулся Минский. – Пожалуйста. Я – биолог, а не физик-ядерщик. Я никогда не создам ничего такого, что угрожает жизни. Весь смысл моей работы в том, чтобы укреплять жизнь, ее могущество. Но кто сказал, что повторение земных условий в космосе – единственный для этого путь? Обязательно ли цивилизация должна затрачивать огромную энергию на то, чтобы, в конечном счете, репродуцировать свою, так сказать, планетарную плаценту? Я хочу упразднить биосферу, но взамен подарить изобилие.

Пахарь с сожалением посмотрел на Минского.

– Вы полагаете, что изобилие можно дарить?

Дин и его люди решили, что сейчас Пахарь раскроет хотя бы некоторые свои карты, но не тут-то было. Брейкер, по словам Дина, полез в такие высокие материи, напустил такого философского тумана, что выудить из всей этой демагогии нечто дельное было чрезвычайно трудно. Как ни странно, Минского такой поворот разговора заинтересовал, и он даже заспорил о чем-то с Пахарем. Некоторое время оба упражнялись в схоластике, словно были участниками философского диспута, а не уголовного дела. Как рассказал Дин, Пахарь при этом рисовал все в трагических тонах, напирал на какую-то опасность, говорил о вырождении человечества, а Минский опровергал его пессимизм.

– В общем, когда разговор закончился, мы поняли одно, – заключил Дин, – Минский не принял требований Пахаря. Теперь, я думаю, следует ожидать, что брейкер попытается прервать

работу Минского насильственным путем и обнаружит свои уникальные способности.

Я согласился с Дином, и, обсудив план действий на случай внезапных атак Пахаря, мы прервали телевизионный диалог.

Было около полуночи, когда я наконец ступил на Амброзию. По дороге туда мне пришлось дважды перестраиваться на иное время, я не спал уже более суток. Выслушав короткий доклад Дина о том, что брейкер находится в своем номере и, видимо, будет оставаться там до утра, я решил, что вполне заработал небольшую передышку. Диван давно манил меня, я улегся, но, провалявшись полчаса, скоро понял, что не усну. Нервы были перевозбуждены, голова забита гулом голосов и обрывками разговоров этого длинного-длинного дня; мелькали мысли, выстраивались какие-то сопоставления… В конце концов я прекратил попытки себя усыпить и встал.

Много позже, по окончании всей операции, мне стало ясно, в чем состояла трудность этого дела. Вопрос о поимке незаурядного по силе, но, в общем-то, обыкновенного брейкера с каждым часом работы приобретал все большую смысловую глубину; словно некая расширяющаяся воронка, дело затягивало в себя все более отдаленные области времени и пространства, и чтобы не потеряться в этом круговороте, я должен был срочно, что называется, «в рабочем порядке» решить чуть ли не все те проклятые вопросы, которые еще принято называть «вечными»: что такое человек? в чем смысл его существования? что есть добро? что – зло? и так далее…

Мой служебный долг, размышлял я, – обезвредить Пахаря. Но как мне себя вести, если за Пахарем стоит не «заговор транснациональных корпораций», а просто идея, взгляд, согласно которому человеку опасно давать сразу все, что он хочет? Настолько ли человек разумен, чтобы не потонуть в изобилии, которое обещает «подарить» Минский? Скажу честно: мне было трудно ответить положительно за весь род людской, найти безусловные доказательства его здравомыслия; зато я мог привести массу примеров того, как любую, даже самую маленькую возможность получить удовольствие люди незамедлительно превращали в путь к безднам сладострастия. Так, казалось бы, что может быть благопристойнее, положительнее, трезвее компьютера? Напичканный электронными схемами ящик – как может он выступать в роли низкого соблазнителя? Оказывается, может. Это ярко показала практика «мыльных клубов».

Я уже говорил, что по степени насыщения вычислительной

техникой Пояс превосходит все остальные места Солнечной системы. С помощью всеохватывающей компьютерной сети МИНИКС здесь можно решать самые сложные задачи. Одной из таких задач является прогнозирование катастроф и их последствий. Машине при этом сообщается перечень угрожающих факторов, и она, общаясь с МИНИКСом, разрабатывает сценарии событий, которые могут последовать при той или иной стратегии поведения. Так, если орбиты астероидов известны, можно рассчитать, где и когда произойдет очередное катастрофическое столкновение этих многокилометровых каменных глыб, куда полетят осколки и какой вред они причинят, пронизывая населенные участки Пояса. Разумеется, в один прекрасный день нашлись умники, которые решили: а почему, собственно, следует начисто предотвращать катастрофу? Почему бы не дать ей осуществиться по относительно безопасному, но достаточно эффектному варианту? Человечество всегда было одержимо манией наблюдать что-нибудь щекотливо-остренькое – от банальной автомобильной катастрофы до крушения миров; следовательно, Пояс Астероидов, где все время что-нибудь случается, просто рай для тех, кто обожает глазеть на пожар, оставаясь при этом на улице. Многие серьезно верят, что можно запросто войти в историю, став свидетелем гибели «Титаника» или покушения на жизнь папы римского Иоанна Павла II; этим людям не дают покоя лавры далласского обывателя Эйба Запрудера, которому посчастливилось заснять своей любительской кинокамерой момент убийства президента Кеннеди.

Спрос, как известно, рождает предложение. Оказалось, что Пояс Астероидов, этот огромный естественный полигон разнообразнейших катастроф, – можно показывать за деньги. Вся проблема состояла лишь в том, чтобы в нужное время собрать зрителей в нужном месте. Получая информацию через МИНИКС, сделать это было не так уж трудно: в оперативной памяти сотен компьютеров, составляющих МИНИКС, в этом коллективном мозге Пояса, на каждый момент времени отражается все его состояние – достаточно полно и подробно для того, чтобы выбрать даже не одну, а несколько точек пространства, где можно наблюдать разгул стихий, не боясь испачкать жилетку. Первые «мыльные клубы» возникли на пассажирских кораблях, совершающих круизные рейсы внутри Пояса. Наряду с «омолаживающим воздействием невесомости», «космическим загаром» и «психотропным влиянием космоса» реклама обещала «присутствие при настоящем приключении», о котором-де не стыдно будет рассказать потомкам. Конечно, одним присутствием

дело не ограничилось; обывателю хотелось участвовать в приключениях. Была разработана шкала, по которой измерялась степень риска для участвующих в том или ином сценарии, а соответственно ей – и такса. Чем выше была угроза, тем дороже стоила гарантия безопасности. Надо сказать, сценаристы «мыльных клубов» не особенно утруждали свою фантазию, в ход шли надежные старые рецепты, отработанные романистами и кинорежиссерами еще в прошлом веке. Балуанг, например, начал с буквального повторения фильма «Ад в поднебесье», заменив лишь пожар в небоскребе пожаром на космической станции. Когда ему пришла в голову эта мысль, он через свой компьютер на Мидасе сделал МИНИКСу запрос: на какой из станций наиболее вероятен пожар? Оказалось, что буквально на волоске держится старая, до предела изношенная межпланетная станция «Уникорн VI». Балуанг собрал и доставил туда, зафрахтовав корабль, около ста пятидесяти человек. Персонал станции, конечно, знал, какая опасность угрожает, полным ходом шел ремонт, но никто, кроме МИНИКСа и Балуанга, не знал, что пожар может начаться в любую минуту при малейшем нарушении гравитационного баланса. Это и произошло, когда к «Уникорну VI» причалил многотонный лайнер с туристами на борту.

В подобных акциях заключается основной вред, наносимый «мыльными клубами»: они провоцируют катастрофы. Там, где при шатком равновесии стабилизирующих и деструктивных факторов происходит вмешательство «мыльного клуба», дело неизменно заканчивается бедствием. При всем том привлечь провокаторов к ответственности практически невозможно, ибо в роли главного режиссера каждого катастрофического сценария выступает МИНИКС – единый в сотнях лиц, вездесущий и неуловимый, как господь бог. Каждый компьютер, входящий в МИНИКС, «знает» лишь ничтожную часть того, чем располагает интегральный интеллект системы; единственное место, где можно обнаружить кое-какие явственные следы, – это память компьютера, через который производился ввод данных в международную сеть ЭВМ, то есть, грубо говоря, «делался заказ». Но машинную память нетрудно освободить от компрометирующих сведений, а кроме того, память компьютера – это святая святых любой фирмы, и чтобы получить доступ к ней, нужны очень веские основания. Словом, в рамках существующих международных законов борьба с «мыльными клубами» очень затруднительна; необходимы законы специальные.

Об этом в последнее время говорят все чаще, ибо «мыльные клубы» наносят не только материальный вред. Не менее велик вред моральный. В сегодняшних «мыльных клубах»

эксплуатируется не только стремление обывателя испытать «настоящее», причем лично для него неопасное «приключение», но и его неуемная тяга к «красивой жизни», к умилительным сценам, полным чувствительности и «неизъяснимого благородства». Мой помощник Леон Соболев как-то привел мне слова поэта Александра Пушкина, который говорил, что смех, жалость и ужас есть три главные струны всякой площадной эстетики. Что касается ужаса, то Пояс всегда был чрезвычайно богат им; смех и жалость устроителям «мыльных клубов» пришлось специально организовать. Тут пригодился опыт телевидения, которое с незапамятных времен эксплуатировало желание зрителей умиляться.

Неожиданные встречи, роковые совпадения, трогательные сцены, полные прямо-таки противоестественного самопожертвования и неземного благородства, – за весь этот идиотизм новые клубы и были названы «мыльными» по аналогии с «мыльными операми», которые еще в середине XX века телекомпании изобрели для развлечения домохозяек.

Однако «мыльную оперу» можно было смотреть или не смотреть, а в «мыльном клубе» люди живут внутри самой постановки, внутри тщательно организованной и рассчитанной компьютерами пошлятины, которую никак нельзя отличить от подлинной, естественной жизни. Единственное, что можно сделать, – это эстетический анализ. Разрабатывая сценарии, которые потом становятся жизнью, компьютеры, как правило, пользуются ходовыми сюжетами поп-культуры.

Так, несколько лет назад, во время круизного рейса лайнера «Орион» к Марсу, в одну пассажирку – очаровательную девочку двенадцати лет – вселился дьявол. Она вдруг начала бегать по кораблю голой, дико выть и хохотать, с нечеловеческой силой вырываться из рук пытавшихся ее удержать и сыпать отборной руганью, как пьяный матрос. Врачи были бессильны, лишь время от времени, когда им удавалось ввести ей транквилизаторы, девочка засыпала, а потом буйствовала снова. Интеллигентные туристы, конечно, избегали этих сцен, зато обывательская публика была шокирована, возбуждена и страшно довольна. Как потом выяснилось, группа туристов на две трети состояла из людей, пожелавших от «мыльного клуба» встречи с дьяволом. Теперь все они видели, что не зря платили клубу. В спальне девочки непрерывно работали телекамеры, и жизнь на «Орионе» день ото дня становилась все интереснее. Уже нашелся (разумеется, совершенно случайно) среди пассажиров священник, согласившийся провести древний магический обряд «изгнания дьявола»; уже был назначен день и час операции; уже были

распроданы билеты для желающих присутствовать при таинстве лично… Как вдруг один тихий старичок-искусствовед, проводивший все время в библиотеке, явился к капитану и сказал, что происходящее напоминает ему фильм «Экзорцист» Уильяма Фридкина. По запросу «Ориона» в фондах Голливуда отыскали этот фильм, снятый в 1973 году, и сразу же стало ясно, что дьявол на «Орионе» – типичная компьютерная подтасовка.

Оказалось, что компьютер «мыльного клуба», разрабатывая сценарий для клиентов, жаждавших встречи с нечистой силой (так было записано в их карточках), пошел на прямой плагиат. Взяв за основу сюжет скандально известного в свое время «Экзорциста», он выделил среди сотен больных, состоявших на учете по поводу психических расстройств, женщин, имеющих детей в пубертатном возрасте. По указанию компьютера агенты клуба наняли врачей и отыскали в этой группе девочку, у которой наследственная болезнь – маниакально-депрессивный психоз – должна была вот-вот проявиться. Матери и дочери предложили совершить бесплатное путешествие к Марсу, а остальное уже и в самом деле получилось «естественно», как бы само собой.

Этот случай памятен еще и тем, что тогда впервые против «мыльного клуба» было возбуждено судебное дело. Консилиум врачей установил, что наследственная предрасположенность девочки к психозу могла и не реализоваться, если бы на гормональную перестройку организма, характерную для переходного возраста, не повлияли условия космического полета – все эти колебания силы тяжести, атмосферного давления, повышенный радиационный фон и прочее. Было установлено, что компьютер «мыльного клуба» проконсультировался через МИНИКС с Международным психиатрическим институтом в Базеле и был хорошо осведомлен о провоцирующем воздействии космоса на психику ребенка, но выбрал вариант с «вселением дьявола» вполне «сознательно».

Основываясь на этом, мать девочки возбудила иск против клуба, однако в суде представитель его заявил, что клуб не может нести ответственности за искалеченного ребенка. «Если на футбольном матче, – сказал он, – кто-то от зрителей сходит с ума или даже умирает от инфаркта, никто не обвиняет в этом организаторов спортивного чемпионата, хотя он и вызывает массу бурных и, может быть, вредных эмоций. Всем известно, какое сильное физическое и психическое воздействие оказывает на человека космос. Порой оно может быть трагическим. Но при чем здесь организаторы космического туризма? Каждый участвует в путешествии добровольно». Суд отклонил иск.

Я хорошо помнил об этом, отправляясь на Мидас перед

совещанием у Мейдена, во время метеоритного дождя, но все-таки надеялся, что на этот раз мне удастся получить веские основания для ликвидации «мыльного клуба». Мне представлялось, что вся проблема заключается лишь в несовершенстве системы правосудия, да еще, пожалуй, в неумении следователей дать суду необходимый материал. Пусть, говорил я себе, «мыльный клуб» трудно прикрыть, исходя лишь из моральных соображений, но разве нельзя найти в уголовном законодательстве обоснования для борьбы с ним? Я воображал, что попаду в точку. Мне и по сей день помнится тот праведный гнев, с которым я приближался к Мидасу; моя рука, сжимавшая овальный штурвал скоростного скутера, представлялась прямо-таки карающей десницей.

…Окутанный тяжелыми, стеклянно-прозрачными облаками ксенона, освещаемый яркими болидами сгорающих в газе частиц, сотрясаемый ударами более крупных метеоритов, Мидас, окруженный тучей извергнутого в пространство мусора, в котором, кроме всевозможной дряни, плавали тела двух мертвецов, представлял собой фантастическое и жуткое зрелище, похожее на грандиозный цветной кошмар.

– Гиньоль, – сказал Леон Соболев.

– Что? – не понял я.

Скутер уже заходил на посадку.

– Это похоже на гиньоль, – повторил Леон. – Фильм или пьеса ужасов. Ходовой жанр поп-культуры.

Соболев недавно побывал на переподготовке, где специализировался по криминальным субкультурам, и теперь с полным знанием дела рассуждал о видах китча – всех этих триллерах, вестернах, комиксах и прочей духовной жвачке, которой люди забивают головы даже здесь, в Поясе Астероидов. Временами мой молодой помощник мог, пожалуй, сойти за какого-нибудь культур-философа, если бы не официальная голубая форма служащего ООН.

Я продолжал рассматривать Мидас. Судя по всему, клиенты «мыльного клуба» могли быть довольны. В жизни, которую смоделировал здесь компьютер, было все: и настоящая опасность – метеоритный дождь, и феерическое зрелище – нечто вроде северного сияния, и драматическая интрига – судьба группы Шебеля, заживо замурованной в подвалах базы, и события, «полные мистического смысла», – смерть молодой итальянки и старика-бельгийца. Придраться было не к чему.

Все очень естественно вытекало из соотношения обстоятельств: пошел метеоритный дождь, возникли неполадки, кто-то попал в беду, кто-то погрузился в депрессию, а у кого-то не

выдержало сердце…

На Мидасе текла самая натуральная, подлинная жизнь, однако все в ней было так чрезмерно, многозначительно и пошло, что мне хотелось плюнуть на красиво мерцающий экран.

Еще на пути к Мидасу я приказал начальнику местной полиции арестовать Балуанга сроком на сорок восемь часов – я имел право использовать такой арест в качестве превентивной меры. К моменту моего прибытия на астероид срок ареста почти истек, через несколько часов Балуанга необходимо было выпустить или предъявить ему какое-то обоснованное обвинение. Я знал, что в пансионате водится спиртное, завозимое с Марса и Земли контрабандой, есть и девушки, которые за отдельную плату помогут скоротать вечерок, но точных улик у меня не было. В полицейском участке мы тоже ничего не обнаружили. Видимо, Балуанг хорошо платил здешним блюстителям порядка и нравственности: имелось всего два-три дела о пустяковых кражах и мелком хулиганстве.

Не знаю, что меня вдохновляло, но в этой тупиковой ситуации я еще на что-то надеялся. Я не выпустил Балуанга, когда миновал срок ареста, и, сознавая, что нарушаю закон, предавался в баре меланхолическим раздумьям о том, не окажусь ли я скоро сам за решеткой. Меня спас метеорит, который врезался в Мидас, хорошенько встряхнул его, и из каких-то тайных хранилищ мне прямо на руки пролилось неплохое шотландское виски, а в объятия упала разговорчивая Лола Рейн. Получив такие козыри, я с огромной неохотой отправился на совещание, которое собирал Мейден в связи с делом Пахаря. Ну, а после совещания мне тем более хотелось скорее прикрыть «мыльный клуб», чтобы развязать себе руки: я суеверно подозревал, что все напасти никогда не обходят меня, а значит, и брейкер меня никак не минует.

На первом же допросе я выложил Балуангу все, что я о нем знаю и думаю, и заверил его, что на сей раз он не отвертится. В ответ на это Балуанг и сказал слова, которые я особенно хорошо понял потом, несколько дней спустя, беспокойной ночью в отеле «Амброзия».

– У вас ничего не выйдет, комиссар, – заявил он. – То есть, вы, конечно, можете на некоторое время расстроить мое дело, но ведь вы идеалист, вам хочется покончить со злом в корне, уничтожить его, так сказать, на вечные времена. А вот тут у вас победы никогда не будет. И знаете почему? Потому, что вы лезете поперек течения жизни и ничего не понимаете в человеческой природе. То, что вы называете «злом», придумал не я; я лишь

продаю людям товар, который они желают иметь. Не будет меня – им продаст все, что нужно, другой. Конечно, вы можете называть желания этих людей «убогими», «пошлыми», «безнравственными», но это дела не меняет, потому что вы не Иисус Христос, чтобы судить всех, а они хотя бы имеют право быть собой. Вы скажете, что боретесь со мной ради светлого будущего человечества, из любви к людям, но это ложь. Этих вот реальных людей вы не любите. Я их тоже не люблю, да это и невозможно. Зато у меня с ними честные деловые отношения, я их не обманываю. Вы же все время стремитесь всучить людям свой залежалый, вонючий товар, скучный и глупый, как дохлая крыса. К чему вы призываете, какими пыльными истинами хотите увлечь? «Живите в мире, любите друг друга, честно трудитесь…» Но ведь все знают, что ни один нормальный человек на такие вещи, увы, не способен. Чистая совесть может быть только у покойников и идиотов, а всю жизнь честно трудиться просто скучно. Поэтому не надо лгать и твердить о том, чего нет. Вы можете сказать, что раз этого нет, надо делать, и пусть человек совершенствуется, работает над собой. Да, я знаю, вам бы очень хотелось исправить, переделать человека. Из таких, как вы, пламенных идеалистов нередко выходили тираны и узурпаторы, любители великих переделок природы человеческой. Но пойдите, спросите у людей, многие ли из них хотят переделываться. И еще объясните им, в чем состоит нравственное совершенствование, какой это жестокий и мучительный труд, как неизбежны в нем разные казни и муки душевные – ведь так, кажется, про это гении-то писали? И вот, когда вы им все это расскажете и призовете следовать за вами, они засмеются и скажут: «Лучше видеть глазами, чем бродить душою». Эту строчку из Екклезиаста здесь, на Мидасе, можно слышать двенадцать раз в сутки, а вы до сих пор ее смысла не поняли. А ведь это – первейшая заповедь всякого реального человека, а вместе с тем и то зло, с которым вы боретесь. Нет, никогда не захочет человек «бродить душою» по мукам, он от вас уйдет и придет ко мне – туда, где можно просто «видеть глазами» много простых и приятных вещей.

Вот, комиссар, каков человек. А вы говорите, будто знаете, как ему жить и чего хотеть. Ничего вы не знаете. Да и, сказать по правде, никто об этом ничего не знает. Единственное, что можно сказать, уже заявлено в том же Екклезиасте: «Кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит, как тень?»

…В моем сознании еще звучали эти слова, когда настойчивый сигнал зуммера вернул меня к реальности – в ночь, в отель, где я сторожил Пахаря. Откуда-то издалека, из невообразимой

глубины, словно с другого конца галактики, на экран сквозь помехи прорвалось лицо Мейдена.

– Я на Герионе! – прокричал он сквозь треск, – Слушай меня внимательно!.. Мы здесь раскопали… Пахарь готовит убийство!

Сейчас мне уже не передать чувство, которое охватило меня после слов Мейдена. То были и гнев, и горечь, и отчаяние. Все-таки, несмотря ни на что, несмотря на деятельность «мыльных клубов», несмотря на тайный ввоз алкоголя и наркотиков, убийств в Поясе еще не было. Я не сомневался, что когда-нибудь начало им будет положено, однако мне и не снилось, что это произойдет так скоро. Кроме того, меня поразил способ, которым Пахарь решил осуществить свое намерение.

После Мейдена экран занял Ривера и максимально кратко и доходчиво объяснил мне, как задумано первое в Поясе убийство. Готовя его, Пахарь использовал опять же могущественный и вездесущий МИНИКС, проявив при этом незаурядный талант кибернетика. На убийство по воле Пахаря была нацелена вся международная компьютерная сеть, разбросанная на астероидах между Марсом и Юпитером. Сквозь помехи и треск (опять бурлило Солнце) я с трудом со слов Риверы понял, что власть над МИНИКСом Пахарь получил, изобретя новый способ общения с компьютером. Признаться, мне до сих пор далеко не все понятно в этих кибернетических тонкостях, но я попытаюсь объяснить. Секрет Пахаря заключен примерно в следующем.

Оказывается, любой язык – и человеческий, и машинный – вовсе не самое эффективное средство общения. Знаки любого языка допускают, чтобы их перевирали, толковали превратно. Поэтому сообщения, переданные знаками языка, могут быть восприняты или не восприняты, быть ложными или истинными, быть поняты верно или неверно. А вот импульсы биохимического и биофизического характера неизменны, они не зависят от индивидуальных особенностей адресата – от его желания, настроения и степени компетентности; они, подобно силе тяжести или свету, могут только быть или не быть. И хотя эти доязыковые импульсы, которыми обмениваются простейшие организмы, стоят неизмеримо ниже на лестнице эволюции, чем знаки языка, в эффективности передачи информации они их превосходят. Так, амеба воспринимает благоприятное изменение условий и начинает размножаться, никаким другим сигналом ее не обманешь. Основываясь на доязыковой коммуникации, амебы, лягушки, крысы понимают поступающую извне информацию всегда, а мы, люди, пользуясь языком, допускаем в толковании сообщений массу ошибок.

Пахарь создал способ общения с компьютером, основываясь на принципах доязыковой коммуникации, и реализовал его в виде особого технического устройства – специалисты назвали его потом «психотерминалом». Он похож на большую детскую люльку, в которую вложено кресло катапульты. Голый человек ложится в кресло, присоединяет к себе около полусотни датчиков, что-то там еще включает – и через несколько часов компьютер начинает «ощущать» его состояние. Сначала физиологию – ритмы сердца и мозга, дыхание, биотоки, кровь и пот, а потом и психику – общий тонус, уровень эмоций, в общем, все то, что мы называем словом «настроение». Человек может спокойно размышлять, читать или даже спать, а машина будет выводить и фиксировать в своей памяти некую среднюю кривую, характеризующую его основные жизненные устремления, желания и склонности. Ну, а потом, когда компьютер все хорошо понял, уже нетрудно обычным языком дать ему команду на осуществление желаний. Вся трудность – именно в понимании. Ибо одно дело, когда вы пытаетесь растолковать машине, чего вам хочется, и совсем другое – когда машина сама «чувствует», что у вас, как говорится, «в крови».

Наши люди на Герионе выяснили, что в последние полгода Пахарь буквально не вылезал из своей «люльки», спал и ел в ней, ни от кого особенно не прячась. Все это видели, но считали, что идет обычная исследовательская работа. Отмечали, правда, растущую угрюмость и раздражительность Пахаря, но объясняли это переутомлением и трудностью эксперимента. Все ахнули, когда выяснилось, что во время своего долгого общения с компьютером Пахарь запрограммировал мощнейший электронный мозг на убийство какого-то человека. Эксперты, изучавшие в те дни «психотерминал», еще не могли в нем полностью разобраться, диалог с компьютером налаживался с большим трудом, однако удалось бесспорно выяснить одно – программа действует и остановить убийцу невозможно, ибо им готов был стать не только герионский компьютер, но и весь МИНИКС, к которому Герион, конечно же, был подключен. В любом из сотен компьютеров, составлявших МИНИКС, мог реализоваться злобный замысел Пахаря – замысел, который, как дух, как проклятие, витал и отражался везде и нигде. Незримо проникая из одной машинной памяти в другую, он превращался в радиоволны и летел от астероида к астероиду, а там вновь становился электрическими импульсами мнемосхем и примазывался к техническим и научным расчетам, чтобы в удобный момент из чистой математики воплотиться в грязное преступление.

Мне сообщили об этом, чтобы я начал действовать, но что я мог сделать? В моих ли силах было остановить кибернетического убийцу, простершегося в огромном объеме пространства между Марсом и Юпитером? МИНИКС располагал массой возможностей, чтобы аккуратно и быстро покончить со своей жертвой, подстроив какую-нибудь ничтожную поломку в той до предела технизированной среде, которая повсюду окружает людей в космосе. Я недоумевал: почему же он медлит? Ведь Пахарь дал команду на убийство еще до своего отъезда с Гериона… Значит, что-то мешает МИНИКСу? И тут меня осенило.

Связь по-прежнему была отвратительной, и мне пришлось кричать Мейдену прямо в лицо, которое к тому же дергалось, как маска паяца:

– Узнайте: сколько людей будет убито?.. Повторяю: сколько будет убито?.. Много?.. Два?.. Один?..

– Уже знаем!.. – прохрипел в ответ Мейден. – Один!.. Повторяю: один!.. Кто – неизвестно!.. Один! – он показал палец.

Я вновь набрал в грудь воздуха и постарался в нескольких словах обрисовать Мейдену, как, на мой взгляд, МИНИКС понимает постановку задачи:

– Машина не может нарушать условия!.. Один – значит один! Понятно? МИНИКС думает: группа людей – убивать нельзя!.. Один человек – убивать можно!

– Да! Поняли! – закричал в ответ Мейден. – Группа – нельзя!.. Один – можно!.. Обеспечь Минскому – чтобы не был один!.

Мейден исчез, и я тут же вызвал на экран Дина, который с помощью телекамер вел наблюдение за комнатой Минского.

– Что делает Минский?

– Спит, – ответил Дин.

– Один?

– Да. Женщины, как мы узнали, его не посещают.

– Я не об этом. Нельзя, чтобы он был один.

И я передал Дину все, что услышал от Мейдена и Риверы.

– Разбудить Минского? – ошарашенно спросил Дин.

– Пожалуй, не надо. Просто смотрите за ним в оба. Комната заперта? Обеспечьте мгновенный доступ, и если что – немедленно входите. Пока все.

Я опустился на диван и попытался сосредоточиться. Если жертва, намеченная Пахарем, действительно Минский, то что с ним мог сделать МИНИКС сейчас, глубокой ночью, когда биолог спал один в запертой комнате? Для убийцы-человека этот момент был, пожалуй, удобен. Но удобен ли он для компьютера? Никогда еще мне не приходилось задаваться такими вопросами. Но сейчас подобный вопрос был вполне реален. Большой вычислительный

комплекс «Логос-дейта», ведавший всем, что автоматически двигалось, включалось и выключалось на Амброзии, мог, например, выкачать воздух из комнаты Минского. Правда, для этого надо было ее загерметизировать, а режим герметизации и изоляции – это аварийный режим, он включается с воем сирен. Смерть Минского наблюдала бы вся Амброзия…

Впрочем, что компьютеру до людских глаз? Он неподсуден и бежать не собирается. Я снова ловил себя на том, что непроизвольно переношу на математическую программу, уложенную где-то в недрах машинной памяти, психологию настоящего живого преступника. Конечно, думал я, МИНИКСу нет дела до нашей этики. Испытывать стыд или страх он тоже не умеет. Что же тогда мешает ему реализовать цель, поставленную Пахарем, прямо сейчас? Я снова и снова перебирал в уме пути, которые МИНИКС мог использовать. Если отбросить всякую этику и рассуждать предельно холодно, по-машинному, этих способов уже сейчас, ночью, было немало. Компьютер мог, например, включить режим консервации, и тогда все, что понастроили люди на Амброзии, начнет автоматически сворачиваться, сплющиваться, компактно складываться в гармошку, стремясь занять наименьший объем. На каждом астероиде такая возможность предусмотрена, так что компьютер может хоть сейчас в считанные минуты раздавить свою жертву между полом и потолком.

Меня пугала неторопливость компьютера, в ней было нечто величественное и непостижимое, как помыслы дьявола. Впрочем, говорил я себе, дьявол строит свою стратегию, глядя на бога. Что, если компьютер просто «размышляет», как быть с нами? Все, что идет по каналам связи, в том числе и секретным, ему известно; мы же в своих разговорах даже не подумали зашифровать фамилию Минского! Значит, наши цели МИНИКСу хорошо известны, а всякая кибернетическая система стремится выполнить задачу оптимально, с наименьшими затратами. МИНИКС, несомненно, уже смоделировал и рассчитал десятки вариантов нашего поведения, в ответ на любые наши действия у него, конечно, уже намечены контрмеры, и вообще, он знает о нас сейчас гораздо больше, чем мы сами. Телеобъективы, вмонтированные во все помещения отеля и биостанции, доносят до местного компьютера, а значит, и до МИНИКСа, каждый наш шаг; скрыться же от этого всевидящего ока можно, лишь выйдя на поверхность Амброзии…

И тут новая догадка блеснула передо мной: я могу просто исчезнуть, перестав существовать как человек! Всякого, кто появляется на астероиде, компьютер запоминает – по лицу и по

визитной карточке, которую положено сдавать в информационный центр. Но что значит для машины «запомнить»? Это значит – зафиксировать в памяти информацию о данном объекте. Однако всякую информацию можно изъять, стереть! Если уничтожить все, что знает обо мне местный компьютер, он просто не поймет, кто перед ним! Он даже не отличит меня от неживого существа… В его глупых машинных глазах я буду выглядеть как кукла, движущийся предмет, о котором ничего нельзя сказать, кроме того, что он похож на человека… Робот! Робот-уборщик! Вот кем я буду в сознании компьютера…

Было два часа ночи, когда я примчался из отеля на терминальную станцию. Именно отсюда, с главного терминала, начиналось любое общение с местным компьютером «Логос-дейта», здесь происходил ввод и вывод информации из его памяти. В пустынном зале у пульта дремал молодой негр. «Начальник смены Т. Баркер» – значилось на его нагрудном жетоне.

– Комиссар ООН, – представился я и показал свой значок. – Необходимо срочно изъять все, что касается меня, из памяти компьютера.

Баркер оказался проворным парнем. Через несколько минут все сведения обо мне исчезли из машинной памяти, и я, с точки зрения компьютера, превратился неизвестно во что. К сожалению, я не мог исчезнуть совсем – телеобъективы, озирающие каждый квадратный метр Амброзии, показывали «Логосу», что я существую. Но все-таки в сознании его я был теперь предметом, хотя и движущимся, но неодушевленным.

Несколько успокоенный, я вернулся в отель. О сне, конечно, не, могло быть и речи. У меня было чувство, что с момента, когда мне стало известно о существовании Пахаря, я прожил огромную, долгую жизнь, полную успехов и невзгод, надежд и разочарований. Действительно, за эти сумасшедшие дни столько рухнуло и вновь встало передо мной, что я даже не пытался все это как-то охватить, осмыслить, связать одно с другим и прийти к логическому концу. За какую бы мысль я ни взялся, она начинала разрастаться, ползти во все стороны и очень скоро превращалась в канительную философскую казуистику, в зыбкую умственную трясину, из которой я никак не мог выбраться. Так, меня, например, не оставляло ощущение, что в разговоре Пахаря с Минским мы упустили нечто важное, потеряли какую-то существенную деталь, может быть, даже ключ ко всему. Я с беспокойством думал, что ключ этот, скорее всего, зарыт именно в том философском лабиринте, который выстроился в споре двух противников. Все-таки это были ученые, а не какие-нибудь

заурядные криминальные типы. Пусть Пахарь и брейкер, думал я, но он еще и профессиональный исследователь-кибернетик, так что мотивы его действий могут быть весьма неожиданными и странными. В свое время Роберт Оппенгеймер сотворил атомную бомбу, но искал-то он не погибель для человечества, а научную истину.

«Вы полагаете, что изобилие можно дарить?» Этот вопрос Пахаря чем-то волновал меня. Войдя к себе в номер, я нашел в разговоре это место и включил видеозапись.

– Вы полагаете, что изобилие можно дарить? – Пахарь с сожалением посмотрел на Минского. – Давайте немного отвлечемся. Вы вот цитировали Вернадского, а я вам хочу напомнить слова другого мыслителя. В его главной книге беседуют два мудреца – добрый и злой. «Видишь сии камни в этой пустыне? – спрашивает злой. – Обрати их в хлебы, и за тобой пойдет человечество, как стадо». На что добрый отвечает: «Не хлебом единым жив человек».

– Это евангельская притча…

– Да. Но мыслитель, о котором я говорю, пошел дальше. Он предвидел, что в наше время в изобилии будет произведен не только хлеб материальный, но и, так сказать, хлеб духовный. Вы вот скоро сумеете дать человеку пищу где угодно и сколько угодно. Но что нам мешает сотворить ему и все остальное – тоже в неограниченном количестве: и радость, и печаль, и красоту, и любовь? «Мыльные клубы» – что это, как не места, где человек вкушает ловко приготовленную пищу духовную?

– «Мыльные клубы» привлекают только обывателей.

– Ну и что? Важно, что найден принцип, способ смоделировать жизнь человека, исходя из его индивидуального вкуса. Сейчас это делается по обывательскому вкусу, по законам китча. Но вопрос только во времени. Подождите, научатся ублажать и нас, интеллигентов. Такую тонкую духовность состряпают на компьютерах, что мы тотчас слюни пустим. Мне, кибернетику, о таких вещах лучше судить. И я вам говорю: мы уже близки к этому! А тут еще вы со своим изобилием. Человечеству в таких обстоятельствах крышка, вы понимаете? Мыслитель, которого я имею в виду, предвидел это еще в XIX веке. Он говорил: «Тогда будет отнят у человечества труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего – одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни».

Минский прищурился:

– Достоевский?

– Да, – кивнул Пахарь. – Подумайте над его словами.

Биолог скептически посмотрел на Пахаря.

– Вы знаете человека, который готов дать каждому все, что тот пожелает?

– Можно сказать… знаю.

– В таком случае поздравляю: вы знакомы с господом богом.

– Не нужно шутить, – скривился Пахарь.

– Я не шучу. Наша беседа выглядит интересной, но далекой от практики. Я не верю, что человечество вот-вот будет закормлено хлебом духовным. Его никогда не хватит.

– Почему?

Минский пожал плечами.

– Но это же очевидно! Потребности человека бесконечны. На всем протяжении истории людям всегда чего-нибудь не хватало. Удовлетворялись одни потребности – возникали другие.

Пахарь опять невесело усмехнулся:

– Когда-то люди думали, что число звезд на небе тоже бесконечно. Но вот астрономы нашли способ подсчета, и оказалось, что в каждом полушарии земного неба можно одновременно видеть не сто миллиардов, не сто миллионов, и даже не просто миллион, а всего-навсего шесть тысяч звезд. Вот так «бесконечность»! Я говорю это к тому, что представление о некой величественной бесконечности возникает у нас часто на самом пустом месте – просто из-за того, что мы не имеем способа и системы отсчета. Как исчислить потребности человека? Мы не знаем. И вот уже бесконечным нам представляется то, чего просто очень много. Эта картина типична. Познавая себя, мы то и дело попадаем в ситуацию кретина, умеющего считать только до десяти. Этот кретин сидит в комнате, где кто-то распотрошил толстую книгу под названием «Человек», и пытается привести все в порядок. Естественно, при каждой попытке сосчитать количество страниц несчастный приходит к выводу, что число их бесконечно.

– А потом приходит умник, овладевший системой счета, и быстренько разбирается в проклятой книге, так? – иронически продолжил Минский. – Вы забыли об одном обстоятельстве: книга все время пополняется новыми страницами, ибо человек развивается, живет, а значит, поступает порой весьма неожиданным образом. Никакая система, даже самая совершенная, его зигзагов не предусмотрит.

– Да почему же и не предусмотреть? – деланно удивился Пахарь. – Ведь человек, что бы он ни делал, есть часть природы. Вдумайтесь в это: часть, то есть нечто ограниченное, определенное. Во всех своих проявлениях человек конечен – уж это факт! Скорость его умственных и психических реакций –

величина определенная и вовсе не бесконечная, зрение и слух не охватывают всего физического спектра, емкость памяти ограничена, а уж способность воспринимать и перерабатывать информацию в сравнении с машиной и вовсе ничтожна.

– Но зато дух, дух человеческий безграничен! – воскликнул Минский, – Человеку ведь нужна не просто радость, а все на свете, вся жизнь, то есть борьба за истину, любовь, страдание… Нужна вся полнота человеческих отношений!

– И вы опять же полагаете, что эта «полнота» – величина бесконечная?

– Разумеется! Как же иначе?

Пахарь с грустью посмотрел на Минского.

– Согласитесь ли вы с тем, – спросил он, – что в человеческом языке сконцентрировано все основное содержание духовной и практической жизни людей? Что понятия языка, все эти синонимы, антонимы и производные конструкции максимально отображают многообразие человеческих отношений?

– Да, соглашусь.

– Так вот, еще в 1975 году кибернетики подсчитали, что даже в наиболее развитых языках – таких, как английский, итальянский, русский, – содержатся средства для выражения лишь двухсот отношений между людьми. И этого, оказывается, вполне хватает для описания всего многообразия мира, который реально окружает человека и создается его воображением. Согласитесь, двести – еще не бесконечность… Да и что говорить о бесконечности – вы посмотрите вокруг. Многим только кажется, что их потребности безграничны. А дайте им побольше хлеба да зрелищ, да питья, да женщин – они и утешатся!

– Я, конечно, не моралист и не философ, – ответил Минский, – но я твердо знаю одно: человек никогда не согласится с тем, что достиг конца. На его пути могут встать самые заманчивые, самые приятные тупики и ловушки, но он всегда найдет в себе силы бунтовать против них…

Последние слова Минского потонули в крике Дина, лицо которого вдруг наложилось на видеофильм:

– Шеф, мы все заперты!.. Происходит черт-те что!.. Брейкер ушел!.. Минский…

Экран погас. Но я уже и сам видел, что брейкер начал действовать. Усилив свое биополе, он породил настоящую фантасмагорию. Или это компьютер начал войну против нас? Раздумывать было некогда. Пространство вокруг искажалось и вытягивалось, словно в видениях наркомана. Две стены моей комнаты наклонились друг к другу, почти превратив ее в

трехгранную призму, а пол медленно разъезжался, открывая стальную решетку, из-под которой пучилась белая тестообразная масса, жирные отростки которой уже выползли на середину.

Я схватил бластер и выскочил в коридор. Стены его тоже куда-то заваливались, тягучая белая масса толстым слоем покрывала пол. Весь отель словно погружался в молочный кисель. Нигде не было видно ни души. Номер Пахаря тоже был пуст. Скользя и разбрызгивая липкую массу, я бросился по отпечатавшимся следам. Из-за дверей, мимо которых я пробегал, порой доносились глухие удары – люди пытались выбраться. Но я не мог остановиться, чтобы помочь им. Следы Пахаря (если это были его следы) вели на верхние этажи отеля, и судя по тому, что они еще не заплыли, он не успел далеко уйти.

Я взбирался по скользкой лестнице на предпоследний этаж, когда наверху раздался грохот, переходящий в резкий свист. Стреляли из бластера. Возможно, кто-то из моих ребят. Или стреляли в них. Я осторожно выглянул в коридор. Следы Пахаря шли налево и исчезали в темном провале посреди пола. Туда же ленивыми струями стекала масса, а сама мрачная дыра медленно затягивалась сдвигающимися плитами и вот-вот должна была исчезнуть совсем. Только сейчас я осознал, в какую трудную погоню пустился. Пахарь щедро демонстрировал свою способность проходить сквозь полы и стены.

Поскольку след брейкера был потерян, следовало найти кого-нибудь из наших. На этом этаже наблюдение вел Дин. Я осторожно двинулся к его комнате и еще издали понял, что слышал в работе его бластер. Дверь номера была разбита выстрелом изнутри, а следы Дина исчезали под стальной стеной, замкнувшей коридор. С помощью таких тупиков брейкер мог отгородиться от кого угодно. Я двинулся назад, и в этот миг где-то рядом прогремел еще один выстрел. Я кинулся вперед, зная, что в номере Дина есть окно. Обжигаясь и разрывая одежду о горячие зазубрины, я протиснулся через разбитую дверь в комнату и распахнул иллюминатор. Он выходил на уровне второго этажа во внутренний дворик – атриум; там был устроен зимний сад, но сейчас его медленно заволакивал белый едкий дым горящей пластмассы. В этом дыму кто-то двигался.

– Эй! – крикнул я.

Это был Пахарь. Прихрамывая, он пересекал атриум и, оглянувшись на мой голос, поднял руку. Я мгновенно пригнулся, но выстрела не последовало. Вместо этого кто-то с чавкающим звуком дохнул мне в спину. Обернувшись, я увидел, что выход, проделанный Дином, исчез. На его месте стояла глухая металлическая стена с пятнами машинного масла. Совсем

недавно она, видимо, была полом где-то в технических службах. Третий раз я оказывался в тупике, а Пахарь беспрепятственно уходил дальше. Настороженное внимание, с которым я преследовал его, начинало переходить в злость. Я уже прикидывал расстояние до поверхности атриума, когда заметил, как забурлил белый кисель вдоль одной из стен. Сунув руку в тягучее желе (оно оказалось теплым), я нащупал узкую щель. Она явно расширялась. У меня не было времени ждать, когда стена поднимется достаточно высоко, и, обмотав голову рубашкой Дина, я прополз под стеной. Впечатление было такое, будто я нырнул в кремовый торт. В соседнем номере дверь оказалась незапертой, и, выбравшись в коридор, я рванулся на последний, самый верхний этаж. Проклятый брейкер! Устроив такую фантасмагорию, он, будучи обнаруженным, наверняка попытается удрать с Амброзии на спасательной ракете. Ярость, с которой я думал об этом, была вызвана еще и тем, что мне только сейчас стал ясен план его бегства.

Я оказался прав. Пахарь, уже в скафандре, возился у аварийного выхода на поверхность, когда я подсечкой сзади сбил его с ног. Он с грохотом ввалился внутрь кессонной камеры. В тот же миг дверь за нами закрылась.

– Назад! – закричал Пахарь, отталкивая меня. – Здесь смерть!

– Спокойно! – сказал я, выравнивая дыхание. – Вы арестованы. Дайте руки.

Увидев наручники, он сначала остолбенел, а потом вдруг залился безумным смехом:

– Полиция?! Вы из полиции?.. У вас есть тюрьма, шериф?

– Я зональный комиссар ООН по безопасности и сотрудничеству. Вот мой значок. А теперь идите за мной.

Я потянул рычаг двери, но он не поддался. Кнопка аварийного открывания тоже не сработала. Пахарь все смеялся:

– Мы заперты, комиссар! Может, лучше откроем другую дверь и прогуляемся по Амброзии? Правда, ваш костюм легковат…

– Бросьте болтать! – оборвал я. – Уберите поле.

– Какое поле?

Я вздохнул, стараясь набраться терпения.

– Биополе, с помощью которого вы вывели из повиновения технику на Нектаре, Мирре, Тетисе, а сегодня – здесь, – на Амброзии.

Он как-то очень искренне раскрыл глаза:

– Вы что, считаете меня диверсантом?

– Вы особенно опасный диверсант – брейкер. Слыхали такое слово?

Он посмотрел на меня так, будто перед ним стоял пришелец

из другой галактики.

– Брейкер… Это, что от английского «break»[1]?

Я подергал рычаг – дверь не открывалась.

– Да. И кроме того, вы подозреваетесь в покушении на убийство.

Это, кажется, его почти не удивило. Он лишь усмехнулся:

– Почему же – «убийство»?..

– Вам лучше знать, зачем вы решили убрать Минского.

Он молниеносно вскинулся:

– Минского?!

– Перестаньте кривляться. Мы знаем все.

Он резко подался вперед:

– Что вы знаете?!

Нервы мои были напряжены, я ждал опасных движений и ударил его прежде, чем подумал. Он опрокинулся в угол, пошевелился и затих. Я наклонился над ним. На губах Пахаря выступала кровь, но глаза, полные слез, были открыты. Он смотрел куда-то вверх, сквозь меня, и в этом отрешенном, пустом взгляде читалось полное равнодушие к собственной судьбе. Такой взгляд бывает у пилотов, когда их достают из обломков ракеты.

– Боже мой! – застонал он вдруг, мучительно морщась. – Вот он, этот мир!.. Вот его словарь: диверсия, покушение, убийство!.. Если б я знал!.. – он привалился плечом к стене и поднял на меня глаза. – Оставьте эту дверь, комиссар. Мы все равно отсюда не выйдем… Вы ничего, ничего не поняли в моем поведении! Так послушайте, что я скажу…

Сейчас, когда все закончилось и делом Пахаря занимаются сразу две комиссии – следственная и научная, мне часто вспоминается эта неожиданная исповедь. Я слушал ее, прислонившись к двери, ведущей наружу, в пустоту, а Пахарь, в неуклюжем скафандре со снятым шлемом, говорил, полулежа в углу.

Не скажу, что я тогда сразу поверил ему и все понял. Нет, многое я осмыслил и уяснил гораздо позднее. А тогда, отделяемый от мертвящей пустоты лишь тонкой полоской стали, я временами испытывал мутное чувство нереальности, потусторонности происходящего. Дверь за моей спиной медленно покрывалась пленкой изморози, и настоящему брейкеру ничего не стоило открыть электронный замок… Там, за дверью, был вечный холод и мрак, а здесь, в тесной камере, где так странно сошлись два узника, метался беспокойный человеческий голос:

– Я начну издалека, комиссар. Знаете ли вы, что люди и машины часто не понимают друг друга только потому, что

пользуются языком? Да-да, комиссар, это так! Вы небось думали, что язык – самое лучшее средство общения? Ничего подобного!

– Я знаю об этом.

– Неужели? Откуда?

– Наши эксперты изучили изготовленное вами терминальное устройство и поняли его принципы.

– Вон оно что!.. Я вас недооценил, прошу прощения. Что же вы еще узнали?

– Мы узнали, что вы запрограммировали герионский компьютер, а через него – и международную сеть ЭВМ, на убийство доктора Минского.

Пахарь с отвращением и яростью окинул меня взглядом.

– Какая глупость! Зачем мне его убивать?

– Очевидно, чтобы провалить программу «Скайфилд».

– Что это за программа?

– Разработка способов производства искусственной пищи. То, чем занимается Минский. Аутотрофный синтез.

– А, «манна небесная»! «Камни, обращенные в хлебы»! Понятно. Значит, вы считаете, что на этом пути человечеству ничего не угрожает?

– Решать такие вопросы – не мое дело.

– А чье? Мое?.. Впрочем, да, мое. Но и ваше тоже! Это касается всех.

– Следствие изучит мотивы вашего преступления.

Пахарь вновь озлобился:

– Да нет никакого преступления, поймите вы! Нет! – он помолчал, переводя дух. – Ну хорошо, я хотел сказать вам кое-что, а теперь, пожалуй, расскажу все… Да, комиссар, я разработал систему общения с компьютером, основанную на принципах внеязыковой коммуникации. Вы замечали, что людям, мало знакомым между собой, бывает трудно понять друг друга? А почему? Потому что они вынуждены пользоваться только языком. А ведь масса информации прочитывается, как говорится, на лице. Порой словом невозможно выразить то, что говорится глазами. А иногда словами сообщается одно, а лицо говорит совсем другое. И наоборот – пустое междометие, какое-нибудь «Ах!» наполняется глубоким смыслом, если его сопровождает взгляд, говорящий многое. В общем, когда-то, очень давно, я задумался: а разве нельзя пополнить средства общения с компьютером чем-нибудь из этой, внеязыковой области? Представьте: машина ощущает человека, воспринимает его психофизическое состояние, «видит» его, как говорится, «насквозь» – и благодаря этому значительно лучше и глубже понимает то, что человек говорит, обозначает словами. Вот в чем состояла проблема, над которой я работал

долго, очень долго – больше десяти лет.

О, это была адская, изнурительная работа! Мне пришлось решить массу частных, промежуточных проблем, преодолеть множество тупиков, несколько раз отказываться от уже пройденного пути, возвращаться назад и начинать заново… Я буквально сжился с компьютером, проводил в контакте с ним все свое время. Постепенно машина все лучше понимала меня, и вот два-три года назад кое-что начало получаться. Я добился того, что смог вести с компьютером сначала короткие, а потом все более длительные и глубокие беседы с использованием расплывчатых понятий.

Не знаю, поймете ли вы меня… Слушайте. В информатике есть такой термин – расплывчатые понятия. К ним относятся слова, которые, грубо говоря, значат вообще очень много, а конкретно – ничего. Примеры таких понятий: «честь», «любовь», «справедливость»… Каждому из них, конечно, можно дать какое-то одно, узкое определение, но любое из них будет неполным и неточным. До сих пор в общении с машинами расплывчатые понятия считаются большим злом, при постановке задач их стараются избегать, в крайнем случае – заранее придают им какой-то узкий, строго определенный смысл. Но если каждый раз машина может соотнести расплывчатое понятие с внеязыковой системой смысла, в ее памяти постепенно складывается образ данного понятия. Этому помогает человек, находящийся в глубоком психоинтеллектуальном контакте с компьютером. Он как бы подсказывает, высвечивает своей психикой разные грани понятия, и машина в конце концов начинает «догадываться», что, например, некая зыбкая химера, вроде «совести», реально существует в человеческом мире, и она есть вот это, и это, и то, и другое. Получая образ понятия, компьютер начинает понимать мир по-человечески – вот в чем главное достоинство моего метода!

Конечно, сделаны лишь первые шаги, сложность многих простых вещей компьютеру по-прежнему недоступна. Но все-таки кое-чего я добился! Порой в общении со мной машина улавливала такие тонкие оттенки смысла и настроения, задавала такие вдумчивые и глубокие вопросы, что временами она казалась мне близким другом или женой, с которой я прожил много лет! Но это было мое личное субъективное чувство, а в науке нужны твердые, объективные доказательства. Их мог дать только эксперимент. И я попытался его поставить.

Всякая теория проверяется практикой. Я решил, что мой способ «полисемантической психоинтеллектуальной человеко-машинной коммуникации» (так я его назвал) должен дать какие-

то практические результаты, должен каким-то образом наглядно проявиться. Но как может проявиться на практике способность машины вникать в расплывчатые понятия? После долгих раздумий я решил, что доказательством такого понимания могла бы стать целенаправленная деятельность компьютера по реализации смысла расплывчатых понятий. Это звучит сложно, но на самом деле все просто. Если ребенку объяснили, что такое хорошо и что такое плохо, и он ведет себя соответственно, мы скоро убеждаемся, что он понимает смысл таких расплывчатых понятий, как «добро» и «зло», хотя ни одно из них он объяснить не может. Примерно в этом же плане я решил испытать и компьютер.

Правда, сначала мне пришлось преодолеть еще одну сложность. Дело в том, что все те понятия, которые я сделал для машины доступными, описывают чисто человеческий мир. Но у машины нет своей «биографии», своей судьбы, у нее нет «личной жизни», в которой бы она могла строить по ходу эксперимента свое человекоподобное поведение. Я столкнулся с необходимостью дать машине судьбу. Иными словами, я должен был ввести в условие задачи хотя бы некоторые конкретные обстоятельства, цели и стремления, определяющие индивидуальное поведение, жизненный путь. Понятно, что в моем распоряжении не было никакой другой судьбы, кроме своей. И я заставил машину как бы встать на мое место, войти в обстоятельства моей жизни.

Перед этим мне пришлось еще и скрупулезно покопаться в себе. Что именно в моем поведении должна смоделировать машина? Я – ученый. Главной жизненной ценностью для меня является истина, а наиболее характерной чертой поведения – стремление к ней. Пусть, решил я, компьютер какой-то определенной целенаправленной деятельностью докажет, что ему доступна многосмысленная и многозначная глубина этого расплывчатого понятия – «истина». В ходе длительного психоинтеллектуального контакта с машиной, путем взаимных расспросов и уточнений я ввел это понятие в сознание компьютера, эксперимент начался.

Я не знал, как именно должно измениться «поведение» машины, которая переняла словно бы часть меня самого, ведь подобный эксперимент проводился впервые. Однако я полагал, что когда компьютер начнет моделировать «стремление к истине», я это увижу. Время шло, я позволил себе некоторый отдых и написал ряд статей, где изложил кое-какие частные проблемы своего метода. Надо сказать, что в науке до этого я был неудачником. Круг идей, меня интересовавших, считался

малоперспективным, с публикациями мне не везло – они проходили незамеченными. От этого жестоко страдало мое самолюбие, и я не раз приходил в отчаяние: годы идут, а ничего не сделано…

В общем, у меня был обычный комплекс рядового специалиста, занятого узкой темой. И вдруг грянули фанфары! В Гааге есть Всемирный депонентский центр, куда со всего света поступают для хранения и распространения научные труды. Компьютеры центра ведут тщательный учет запросов на выдаваемые работы и регулярно определяют индекс их популярности. Считается, что чем выше популярность книги или статьи среди специалистов, тем большую научную ценность она представляет. Так вот, по итогам года сразу две мои статьи вышли на первое место среди работ, посвященных человеко-машинному диалогу! Я, конечно, блаженствовал и ликовал, но вдруг меня как ударило: а что, если это и есть компьютерное «стремление к истине»? Ведь я хорошо помнил, как однажды компьютер спросил меня… (Тут необходимо оговориться. В применении к компьютеру я употребляю обыкновенные слова «спросил», «понял», «ответил», «осознал» и т.п. чисто символически, просто для обозначения сложных многоступенчатых процедур, из которых строится психоинтеллектуальное общение с машиной. Эти слова не передают ни содержания, ни физической формы процесса и используются лишь для простоты изложения.) Итак, однажды, еще в период подготовки эксперимента, компьютер спросил, является ли истиной то, что признано всеми? Я ответил, что в определенном смысле это так. Неужели, думал я теперь, именно такую трактовку понятия «истина» компьютер сделал основной? Если да, то в свете такого понимания «стремление к истине» – это стремление ко всеобщему признанию, к популярности, к славе! И компьютер реализует его, не ведая никаких сомнений, никаких внутренних преград!..

Только сейчас я с ужасом осознал, в какую интригу ввязался! До меня наконец дошло очевидное: расплывчатые понятия, как правило, выражают не просто духовный мир людей, но обозначают основные, главные черты человеческого существования. Эти понятия тесно связаны между собой, они объясняют, дополняют, словом, *корректируют* друг друга, как сказал бы математик. Я же вырвал из сложной иерархии духовных ценностей одну *истину*, ввел понятие о ней в сознание машины, тем самым чуть-чуть очеловечив ее, но не дал машине никакого представления о морали, совести, о том, что зовется «элементарной порядочностью»! Вот почему компьютер, поняв

истину как «то, что признано всеми», мог смоделировать «стремление к истине» в виде беззастенчивого проталкивания в публику моих скромных научных трудов, ведь «материалом» эксперимента была моя жизнь! Чем больше я думал об этом, тем яснее видел, что машине совсем не трудно было осуществить такую подтасовку. Всюду – в космосе, на планете – бурлила невидимая жизнь: МИНИКС, компьютерная сеть Пояса Астероидов, непрерывно со световой скоростью обменивался информацией с такими же системами на Земле и Марсе, в тысячах электронных мозгов производились миллионы операций в секунду, и люди при всем желании могли проконтролировать лишь ничтожную часть того, что делали машины.

Считалось, что если машина исправна и оперирует верными данными, она не лжет. И это было правильно до тех пор, пока один-единственный компьютер не нацелился на выполнение такой задачи, в условии которой необходима была этика. Но она отсутствовала, и компьютер пошел своим, чисто машинным путем, ориентируясь не на порядочность, а на простоту и экономию усилий. Дано: «истина есть нечто общепризнанное». Цель: «смоделировать стремление (приближение) к истине». Решение: «приписать данным работам высший индекс популярности». Такова была, как я подозревал, компьютерная логика. Конечно, я мог лишь набросать схему, многие детали оставались неясными; обратиться же к машине с расспросами я не имел права – нарушилась бы чистота эксперимента. Вероятнее всего, думал я, мои компьютер «договорился» с компьютерами Всемирного депонентского центра или «организовал» (опять же через машины) ложные запросы на мои статьи. Во всяком случае, такова была самая естественная, самая вероятная стратегия поведения субъекта, наделенного понятием об истине, но не знающего, что такое мораль.

Передо мной стояла дилемма: либо прекратить эксперимент, оставшись ни с чем, либо продолжать его, не имея никакой уверенности в том, что компьютер, который я сам впустил в свою жизнь, перестанет кроить ее по своим примитивным меркам. Понимаете ли вы теперь, на что я себя обрек? Я неосторожно призвал в слуги могучего, но тупого демона, который готов был навязывать мне свои пошлые подарки, а я не мог ни избежать их, ни отличить от подлинных наград судьбы!.. В науке тоже есть мода. В кругу специалистов по человеко-машинному диалогу я вдруг сделался моден. Мои статьи без задержки публиковались, их живо обсуждали коллеги, а я ведь еще не сообщил главного, нигде не изложил всего, что сделал, ибо не был уверен в своей правоте. В ужасе я подозревал, что, может быть, мои достижения,

которые постепенно накапливались, – не результат таланта, а всего лишь подтасовка, что моя жизнь в науке теперь, возможно, вся «организована» по самым мелким и дешевым стандартам! Конечно, я пытался разобраться. Постой, говорил себе, если ты – бездарь, а компьютер протащил тебя на вершину славы, это значит, наоборот, что твоя система работает, что машина пусть грубо, по-своему, но выполняет условия эксперимента! И тут же какой-то ехидный голос мне напоминал: так ведь раз машина работает, значит, твои идеи, принципы, расчеты верны, ты – гений, совершивший открытие, и твои труды, может быть, завоевали популярность сами по себе, без всяких «услуг» со стороны компьютера, который, в таком случае, делает неизвестно что, никак не проявляя своих выдающихся способностей… Я уперся в парадокс, в замкнутый круг, в котором можно было сойти с ума. И порой мне казалось, что это со мной происходит. Мысли одна безумнее другой приходили в голову; я жил как во сне.

Однажды я вдруг вспомнил, что ранее ввел в сознание компьютера такое размытое понятие, как «любовь». Вот, думал, средство, чтобы хоть что-то выяснить. Терять мне теперь было нечего, и я решил усложнить эксперимент, дав машине вводную задачу – так, как это делают военные на своих маневрах. За несколько психоинтеллектуальных сеансов я поставил перед компьютером цель: понимая, что такое любовь, смоделировать соответствующее поведение. Очевидно, машина должна была как-то изобразить стремление, приближение к любви, и я уже примерно догадывался, что она предпримет. В наше время, когда к услугам желающих мощный машинный парк всевозможных клубов знакомств и брачных контор, компьютеру, зная мои склонности и запросы, ничего не стоило обшарить невообразимое множество электронных картотек и подобрать партнершу, удовлетворяющую меня на все сто процентов. И вот на Герионе появилась Регина. Мы с ней невероятно быстро сблизились и с такой предельной полнотой поняли и ощутили друг друга, что я, после недель ошеломляющей радости, решил: подобного совершенства просто не может быть в нормальной, обыкновенной человеческой жизни. Уж слишком идеален, дьявольски изощрен наш союз. Проклятый компьютер, думал я, с такой сатанинской точностью соразмерил и подобрал две человеческие половинки, что теперь им просто некуда деваться от своего счастья!..

И знаете, от чего я страдал больше всего? От уязвленного самолюбия, от обиды за род людской. Как, говорил я себе, вот и все? Вот и весь человек с его счастьем и несчастьем, сложностью и простотой, грехами и доблестями? Надо, выходит, лишь знать,

как вложить в компьютер основные данные – и судьба каждого из нас будет рассчитана по самому оптимальному варианту, так, что счастье накроет человечество с головой?.. Тут еще Регина поведала мне об опытах Минского. Я готов был заплакать, когда узнал, что скоро мы, возможно, от проблем голода шагнем сразу в молочные реки, на кисельные берега. Ну вот, сказал я себе, теперь людям действительно крышка. Минский сделает им хлеб материальный, я – хлеб духовный, и все – в самом сытом и пошлом изобилии. Ведь если синтезаторы будут превращать «камни в хлебы», а компьютеры начнут понимать самые сложные и глубокие проблемы человеческого бытия, машины сумеют удовлетворить даже самых требовательных, самых строптивых. Все это очень приятно, но это – смерть. Я чувствовал себя создателем атомной бомбы. А иногда – просто сумасшедшим. Ведь у меня до сих пор не было точных доказательств того, что компьютер справляется с задачами эксперимента!.. Мне нужен был однозначный, недвусмысленный конечный результат, но я не имел такого ни по программе «Истина», ни по программе «Любовь». Все, что случилось со мной, можно было трактовать и так, и эдак. Я не знал, чем порождена моя слава и моя любовь: действительным, реальным ходом жизни или ловкой подделкой компьютера.

Иногда в разговорах с коллегами я специально наталкивал их на неточность формулировок, слабость аргументации и другие недостатки моих работ; думал, если все подтасовано, пусть меня скорее разоблачат. Точно так же я поступал в отношениях с Региной. Словно какой-то бес заставлял меня совершать самые безобразные, самые разнузданные поступки; иногда мне всеми силами души хотелось, чтобы Регина возненавидела меня, отвергла навеки. Тогда бы я сказал: а все-таки компьютер глуп, всего предусмотреть не может, а потому человек сколько-то проживет еще по своей воле, по своему разумению.

На какие только выверты я не пускался, каких только болезненных фантазий не изобретал, лишь бы доказать себе: невозможно человека рассчитать, вычислить и учесть целиком, как таблицу логарифмов! Мне уже было все равно, что обо мне подумают. Я уже находил порой странное, противоестественное удовольствие в этой жестокой игре во вседозволенность и все ниже опускался в бездны какого-то нравственного садизма. Я до предела измучил Регину. Я превратился в чудовище. Не знаю, чем бы я кончил, если бы Регина не спасла меня. Или, наоборот, погубила?.. Однажды она с такой мольбой, с таким безнадежным стоном воззвала к моему милосердию, с такой надрывной кротостью опустилась к моим ногам, прощая все, растоптанное

мною, что мне, впервые за много месяцев, сделалось стыдно. В отчаянии я убежал ото всех и несколько дней просидел неподвижно, размышляя, что же мне делать. И вот, как-то очень спокойно и просто, я решился на последний эксперимент. Я искренне возрадовался, когда, всесторонне обдумав его, увидел, что он и в самом деле будет последним. Этим экспериментом стала программа «Смерть».

Да, я с потрясающей отчетливостью понял: единственно неопровержимо ясная вещь – смерть. Что может быть бесспорнее, нагляднее смерти? Истина, любовь, справедливость, порядочность – все эти размытые, неотчетливые понятия не годились для эксперимента с самого начала, ибо они были безграничными не только для компьютера, который мог ухватить в них только сотую долю смысла, но и для меня. Я понял, в чем состояла моя принципиальная ошибка: цели для эксперимента были поставлены неверно. Как я мог проверить, действует ли моя система, если сам не знал до конца содержания задачи? Ведь чтобы смоделировать на компьютере истину, надо точно знать, что такое истина. Чтобы смоделировать любовь, надо твердо знать, что такое любовь. Лишь имея строго определенные понятия об этих вещах, я мог соотнести их как мерку с тем, что построил компьютер, и подвести итог. Но размытые понятия потому так и называются, что человечество за всю свою историю не сумело установить их окончательного смысла и точных границ. Теперь меня могла выручить только смерть.

О, смерть занимает в иерархии человеческого духа совершенно особое место. Понятие о ней так же размыто и неопределенно, как и о прочих основах бытия, но смерть отличается от всех них тем, что наряду с многозначностью и неопределенностью своего содержания она имеет один совершенно точный – физический смысл. Истина, любовь, добро, совесть – все это бесплотно и неощутимо. А смерть в ее физическом смысле как отсутствие жизни наглядна и проста, ее невозможно оспорить. Есть она или ее нет – видно сразу.

Я понял, что итогом эксперимента по программе «Смерть» должен стать мой собственный труп. Вот когда меня компьютер со света сживет, тогда уж не поспоришь, тогда всякому видно будет, что моя система работает. Ведь не сам же я в петлю полезу! Пусть компьютер поохотится за мной, а я буду от него убегать, изощряться в уловках, путать следы. Пусть в вычислительных комплексах МИНИКСа кружит программа моего убийства, пусть интегральный мозг Пояса будет подстраивать мне ловушки, пусть он попытается предугадать мои действия, рассчитать мои поступки, *вычислить* меня! Тогда посмотрим, кто кого и сможет

ли человек сказать, что он до конца не познан компьютером. А если познан и если благодаря этому мы сможем скоро запросто моделировать себе земной рай, устраивая жизнь по любому вкусу, то пусть моя дьявольская система умрет вместе со мной!

Вот как выглядел мой замысел, комиссар. Так что, говоря вашим языком, вовсе не убийство Минского запрограммировал я в МИНИКСе, а самоубийство. Вернее, эксперимент на себе. Любой ученый, по-моему, имеет на это право. Вас, наверное, интересует, как идет этот эксперимент. Да-да, идет – я ведь жив, значит, игра с компьютером продолжается! Моменты этой игры вы и наблюдали в последнее время на биостанциях. Почему биостанции? Сейчас объясню.

Когда компьютер приступил к реализации программы «Смерть», у меня душа ушла в пятки. Я думал, что пол вот-вот разверзнется и я провалюсь в тартарары. Вы ведь понимаете, что технически это было вполне возможно. Поэтому, взяв отпуск, я спешно бежал с Гериона. Однако герионский компьютер, конечно, сразу же раскрыл содержание эксперимента МИНИКСу, и опасность теперь ждала меня везде, где есть вычислительные комплексы достаточно высокого класса. Впрочем, довольно долгое время ничего со мной не случалось. Я недоумевал: почему МИНИКС медлит? И только потом до меня дошло: в ловушку должен попасть только я один, ведь по условию задачи компьютеру надлежало реализовать мою смерть, а не чью-нибудь другую. Значит, понял я, меня нельзя убить вместе с другими людьми, и какие бы напасти компьютер для меня ни изобретал, они прочих людей не коснутся. Впервые я испытал нечто вроде симпатии к педантичной тупости машины.

Первое время я днем и ночью был на людях, в гостиницах обязательно просил поселить меня с кем-нибудь. Я выжидал, не торопился и компьютер. Но сколько можно было прятаться от своего эксперимента, от собственной идеи? Я должен был дать МИНИКСу возможность для активных действий. Нет, я не собирался просто подставлять себя под удар, я хотел, чтобы компьютер попытался рассчитать мое поведение, вычислить мой маршрут. Но для этого надо было его действительно иметь. Тут я вспомнил о Минском и об идее аутотрофного синтеза. Почему бы не посмотреть, подумал я, каковы успехи в этом деле? Может, до праздного-то изобилия, до молочных-то рек еще далеко и я напрасно хороню человечество? Я наметил себе маршрут: Нектар–Тетис–Мирра, а напоследок – Амброзия, где властвует сам Минский.

Ну, а остальное вы, наверное, знаете лучше меня. Сразу же на Нектаре я едва не попал под смертельный поток радиации.

Компьютер Нектара подкараулил меня одного, дал команду – и экранные задвижки начали открываться. Меня спасло то, что в польдер прорвались люди. Я решил быть осторожнее, и на Тетисе местный компьютер, как бы примериваясь, только попугал меня ракетами, сходящими с курса. А может, это было просто совпадение и в работе вычислителя действительно имелись неполадки? Я этого так и не узнал. Зато на Мирре эксперимент проявился в полную силу. Взрыв, происшедший там, – это пока лучшее, что предпринял против меня МИНИКС. Я чувствовал, что петля затягивается. Сюда, на Амброзию, я прибыл, ощущая себя смертником, которого уже вывели на эшафот. Сегодня, когда стены задвигались и отовсюду полезла эта белая гадость, я решил, что наступает последний этап моей борьбы с компьютером. Да, он предугадал почти все мои действия и в конце концов загнал сюда, в кессон. Я, может, и успел бы выйти на поверхность… а может, и нет. Тут появились вы, комиссар. Так что развязка откладывается. А жаль. Я устал от этой изнурительной игры и надеялся, что сегодня все решится. Зачем вы вмешались? Компьютеру не нужны два человека, ему нужен я один. Но вы здесь, значит, ответа не будет…

– Вы ошибаетесь, – сказал я. – Меня нет.

Что-то разладилось в системе обогрева или это компьютер решил нас заморозить, но в кессоне становилось все холоднее. Прошел уже час, как мы были заперты в тесной камере. Вычислительный комплекс «Логос-дейта» глядел на нас объективами, скрытыми в стенах, и, видимо, решал, что с нами делать.

После того, что я сказал, Пахарь медленно поднялся и уставился на меня. В углах его рта запеклась кровь. Я при этом почему-то вспомнил, как недавно на Мидасе отдал свой носовой платок красивой девушке Лоле Рейн.

– Вы говорите… вас нет? – сказал Пахарь. – Как это понимать?

– Очень просто. Данные обо мне изъяты из памяти компьютера. Он не знает даже, кто я или что. Как Человек я для него не существую.

– Но ведь это значит…

Пахарь обвел глазами камеру. Какая-то мучительная мысль рождалась в его взгляде, и я вдруг ее понял.

– Это значит… – осторожно продолжил я, – что вы здесь… один?

Он в отчаянии повернулся ко мне.

– Да!.. Раз для компьютера вы не существуете, я здесь один…

Один!.. Но почему тогда ничего не происходит? Почему он не борется со мной?!! – его голос сорвался на крик.

Нетрудно было представить, что переживал сейчас этот человек, столько времени считавший себя жертвой компьютера. Между тем вот уже час он находился здесь как бы один, в полной власти компьютера, но программа эксперимента, на которую он убил столько сил, не работала. Ничего угрожающего не происходило! И я понимал, о чем он думает. Он мучительно боялся поверить, что две бесспорные катастрофы, в которые он попал на Нектаре и Мирре, – всего лишь естественные случайности, которых в Поясе полно. Здесь, на Амброзии, он уже час назад мог быть мертвым, но был живым. Поскольку компьютеры не знают милосердия, вновь напрашивалось ужасное подозрение: никакого научного открытия не существует, никакой программы «Истина–любовь–смерть» не было и нет, компьютер равнодушен к тому, кого должен был преследовать, а неприятности, которые произошли ранее, просто жестокие совпадения или же игра нервов. Все стремительно переворачивалось вверх дном. Благородная драма идей, драма интеллекта и человеческой жизни грозила обернуться пустейшим, надуманным фарсом, трагический пафос – жиденьким смешком…

Я посмотрел на Пахаря. Он отвел глаза, и мне показалось, что маска отчаяния на его лице сменяется жгучим стыдом. Наверное, он чувствовал себя школьником, которого строгий учитель вернул с высот пылкого воображения к унылой реальности урока.

– Значит, что же… – краска медленно заливала лицо Пахаря. – Я – просто сумасшедший?.. Ничего нет?!!

Я неловко молчал, не зная, что сказать. Минута прошла в напряженной тишине. Я вдруг почувствовал, что хочу есть. И тут заметил… заметил такое, отчего вся моя душа сжалась в тугой комок и застыла где-то под ребрами. Я протянул руку и положил ее Пахарю на плечо. Слова почему-то с трудом выходили из горла:

– Вы… вы талантливый ученый и хороший человек… Хотя и экстремист. Программа работает. Компьютер охотится за вами.

Он повернул ко мне безжизненное лицо:

– Откуда вы знаете?

– Взгляните.

Вот что я заметил: стена с дверью, которую не удалось открыть, медленно, сантиметр за сантиметром, надвигалась на нас. Это была явная, наглядная, бесспорная смерть – та, что и требовалась по эксперименту. Некоторое время мы молча смотрели на нее. Пожалуй, никогда еще я не чувствовал себя таким ничтожным. Две букашки в медленно сжимающейся руке

бога…

Вдруг этот страдалец за человечество с самым безумным видом схватил меня за рукав:

– А вы… как же вы… здесь?! За что?!

Но с меня уже было довольно всяческих драм.

– Мы выйдем отсюда, – ответил я, мысленно прикидывая толщину стены. – Да, выйдем. И ваша идея уже не будет тайной. Я все-таки верю, что человечество как-нибудь справится с ней. Наденьте шлем.

Он с недоумением повиновался.

– Встаньте сюда, прикройте меня. Будут брызги, – сказал я и вытащил бластер.

Эксперты, понаехавшие потом на Амброзию, установили: компьютер лишь слегка поднял температуру коллекторов, в которых хранилась белковая плазма, синтезированная Минским. В плазме началось брожение, масса ее резко возросла, и стальные резервуары лопнули под натиском загустевшего студня. Это понадобилось компьютеру только для того, чтобы устроить на станции несколько ловушек и загнать в одну из них Пахаря. Всех других людей компьютер изолировал, запер в отсеках, а в пустых помещениях включил режим консервации. Естественно, что тем из наших ребят, которые все-таки вырвались на волю, автоматический демонтаж помещений показался концом света. Это дало им повод для стрельбы, погонь и прочих ковбойских штучек. Хорошо еще, что ни у кого из них не было бомбы.

Я пишу эти строки в дни, когда следствие по делу Пахаря идет полным ходом. Работает несколько комиссий, все происшедшее изучается на высшем уровне, и о результатах нам не сообщают. По-моему, даже Мейден не знает, о чем там говорят. Однако среди наших ходят слухи, будто в судебных кабинетах события на Амброзии квалифицируются как «суицидальный акт». Если это действительно так, я аплодирую мудрости прокуроров. Ибо за попытку самоубийства, как известно, не судят. По-моему, нам сейчас гораздо важнее судить себя, чтобы понять, почему эта попытка имела место. Почему умный человек, талантливый ученый, которому удалось смоделировать на компьютере коренные моменты человеческой судьбы – стремление к истине, любовь, смерть, – совсем не обрадовался этому? Испугался, что благодаря ему, благодаря грядущему «шефству» компьютеров счастливое человечество очень скоро превратится в толпу праздных потребителей, в стадо свиней?

Да, есть немало тех, кто убежден, что природа человека низменна, что рано или поздно весь род людской, соблазненный

могуществом техники, свернет к корыту, зароется в грязь. Иным «философам», вроде Балуанга, это позволяет оправдывать духовный разврат, которым они торгуют направо и налево. Увы, во время того нашего разговора с Балуангом я не сумел ему достойно возразить. Однако теперь, после событий, участником которых я был, я знаю, чем могу ответить. Я просто расскажу о Пахаре – о человеке, который предпочел лучше умереть, чем согласиться на компьютерное счастье. Мне очень понятна и близка его отчаянная тяга доказать и машине, и самому себе, что человек все-таки выше, сложнее, глубже любой компьютерной программы и даже того, что он сам о себе думает.

Я бы очень хотел узнать Пахаря поближе, и мне теперь жаль, что я так долго и глупо видел в нем заурядного брейкера. К сожалению, когда я вывел Пахаря из кессона и снял с него наручники, у нас уже не было ни минуты на философские разговоры. На другой же день примчался Мейден, забрал Пахаря с собой, и больше я его не видел. Дело, конечно, сразу же засекретили, и я даже не узнал подлинного имени этого человека. Для меня он так и остался Пахарем. Единственное, что мне известно о нем, – что он кибернетик и что его родной язык – русский.

А ведь было бы очень важно узнать и понять, откуда появляются такие люди, в каких условиях они росли, что на них влияло, на каких идеалах они воспитывались. Поэтому я призываю: пусть над делом Пахаря работает не только наш брат – служащие ООН, полицейские и юристы, но и ученые – обществоведы, философы. Может быть, это поможет нам сделать так, чтобы людей, которые стремятся ныне в «мыльные клубы», появлялось все меньше. Пока же их много, очень много. И порой мне кажется, что число их растет…

Нет, я все-таки не знаю, куда идет человечество. Меня одолевают сомнения то с одной, то с другой стороны. Когда я занимаюсь на своих астероидах подпольными кабаками, «мыльными клубами» и прочим выплывшим в космос скотством, я думаю, что негодяй Балуанг в чем-то прав. Но иногда мне вспоминается кессонная камера, голос Пахаря, драма человеческой жизни, которая прошла передо мной, и тогда я начинаю сомневаться: а точно ли дьявол способен в изобилии одарить людей «хлебом духовным»? И так ли уж неуемно стремление человека без труда и пота вкушать его?

notes

Примечания

1

to break - ломать (англ.)